

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

100 лет спустя: анализ событий революции 1917 года в России

СБОРНИК СТАТЕЙ

Нижний Новгород

2017

100 лет спустя:
анализ событий революции 1917 года в России

СБОРНИК СТАТЕЙ

Нижний Новгород,
2017

УДК 93/94
ББК 63.3(2) + 60.0
С 81

Рецензент

доктор философских наук, профессор департамента социальных наук Нижегородского филиала национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

С.Н. Кочеров

Ответственный редактор

доктор политических наук, профессор, заместитель директора Нижегородского филиала национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Н.Э. Гронская

С 81 **100 лет спустя: анализ событий революции 1917 года в России** [Электронный ресурс]: сб. статей / отв. ред. Н.Э. Гронская; Ниж. фил. нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (630 Кб). – Н.Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2017. – 116 с. – Режим доступа: <https://expertseminar.hse.ru/>

ISBN 978-5-903643-11-0

В научный сборник вошли статьи, предоставленные участниками заседаний экспертного семинара, которые состоялись в феврале – октябре 2017 года в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород и были посвящены революции 1917 года в России. В них излагается авторское видение проблем революции, как общих – смысловых и методологических, так и частных, имеющих отношение к разным аспектам революционных процессов и специфике их прохождения в Нижнем Новгороде. Данный сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов, исследователей и практиков, интересующихся широким кругом проблем, связанных с осмыслением Русской революции.

УДК 93/94
ББК 63.3(2) + 60.0

ISBN 978-5-903643-11-0

© Коллектив авторов, 2017
© НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. СМЫСЛЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	4
1917 – 2017: Русская революция. В сумеречных смыслах сегодняшнего дня .	4
Исторические смыслы Великой русской революции	31
II. ПОДХОДЫ К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	47
Революции и перевороты: к методологии исследования.....	47
Лето 1917 года: путь к диктатуре	57
III. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ	67
Становление и развитие новых органов власти в Нижнем Новгороде весной – летом 1917 года	67
IV. ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	91
Мог ли царь подавить революцию? К вопросу об эффективности политического насилия.....	91
«Батальоны смерти»: к истории создания русских штурмовых подразделений и участия их во внутривнутриполитических событиях 1917 года.....	105
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	114

I. СМЫСЛЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 – 2017: Русская революция. В сумеречных смыслах сегодняшнего дня

Фатенков Алексей Николаевич

доктор философских наук, профессор факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

e-mail: kfa@fsn.unn.ru

Очерчивая собственную мировоззренческую позицию, касаясь параллельно ряда дискуссионных философских проблем, автор сосредоточивается на осмыслении событий Русской революции. Отвергая объективистские иллюзии и скептически относясь к дискурсивным играм с альтернативными историческими сценариями, он держится экзистенциально заострённой стратегии в понимании эпохального события. В этой связи, в частности, вводится представление об антропологической вертикали революции. На её вершине человек с сильным характером при минимуме амбиций. Обсуждая корректность нынешних толкований некогда произошедшего, автор акцентирует внимание на социальных и национальных смыслах Октября 1917-го, которые увязываются с содержанием традиционного русского вопроса о справедливости и достоинстве, об их схождении и расхождении в жизни. При критическом восприятии сегодняшних российских реалий и матрицы либерализма наследие революции распознаётся в идентификации России как alter ego нелиберальной Европы.

Ключевые слова: Русская революция, смыслы революции, наследие революции, антропологическая вертикаль.

Describing the personal philosophical position and considering debatable philosophical issues, the author concentrates on analysis of the Russian Revolution events. Rejecting objectivist illusions, and having skeptical attitude to discursive games with alternative historical scenarios, the scholar inclines to an existentially sharpened strategy in understanding epoch-making events. In this connection the concept of an anthropological vertical of the revolution is introduced. The man with a strong character and minimal ambition is at its top. Discussing the correctness of the current interpretations of the past events, the author focuses attention on the social and national meanings of 1917 October Revolution, which are bound to the content of the traditional Russian question of justice and dignity, their convergence and divergence in life. In the critical perception of today's Russian realities and the matrix of liberalism, the Revolution heritage is recognized in Russian identification as an alter ego of illiberal Europe.

Key words: Russian revolution, the meanings of the revolution, the heritage of the revolution, the anthropological vertical.

Несколько вступительных строк (не сугубо теоретических).

Когда говорят о подлинной трагедии революций и гражданских войн, часто справедливо указывают на то, что правда была за обеими (всеми) противоборствующими сторонами. К сказанному, и представляющемуся бесспорным тому, кто не очень верит в закономерную благость и благостную закономерность истории, следует, однако, добавить – для экзистенциально ориентированного вердикта – нечто не менее важное. Это нечто звучит примерно так: я понимаю, что в 1917-ом сам мог оказаться по любую сторону баррикад. Всё решило бы тогда не сословно-классовое сознание или чутьё, а, скорее всего, стечение обстоятельств личной жизни, предельно конкретный, и потому во многом случайный, жизненный порыв. А потом пришлось бы метаться, шарахаться от одного знамени к другому (и не обязательно по-интеллигентски: читай М.А. Шолохова). Или с упорством, заслуживающим явно лучшего применения, отстаивать случайно занятую

политическую – не собственно жизненную – позицию. Ещё горше, а шанс такой был бы, оказаться выжитым, выдавленным с родины. Вот пронзительное свидетельство Арсения Несмелова¹ – русского поэта, офицера, эмигранта, в 1924 году перешедшего советско-китайскую границу и осевшего в Харбине.

Воет одинокая волчица
На мерцанье нашего костра.
Серая, не сетуй, замолчи-ка,
Мы пробудем только до утра.
Мы бежим, отбитые от стаи,
Горечь пьём из полного ковша,
И душа у нас совсем пустая,
Злая, беспощадная душа.
Всходит месяц колдовской иконой, –
Красный факел тлеющей тайги.
Вне пощады мы и вне закона, –
Злую силу дарят нам враги.
Ненавидеть нам не разучиться,
Не остыть от злобы огневой...
Воет одинокая волчица,
Слушает волчицу часовой.
Тошно сердцу от звериных жалоб,
Неизбывен горечи родник...
Не волчица, родина, пожалуй,
Плачет о детёнышах своих.

С начала девяностых одолевают схожие ощущения, хотя территориально никуда не перебирался. Осенью 93-го наивно надеялся, что «шоковых терапевтов» удастся посадить на красно-белый (без всякой

¹ См.: Несмелов А.И. Стихотворения и поэмы // Несмелов А.И. Собр. соч.: В 2 т. Владивосток: Рубеж, 2006. Т. 1. 560 с.

голубизны) кол, присыпать солью и отправить экспонатом в Кунсткамеру, пополнив коллекцию уродств. Дважды наивен был в своей надежде, ибо допускал, что от смены политических клоунов, которые вскоре полюбовно замирились, что-то всерьёз могло поменяться к лучшему. Внимательно читал газету «Завтра» – сегодня и бегло просматривать её не хочется; как, впрочем, – по совету профессора Преображенского – и никакую другую. Реагирую гомерическим смехом, когда вечером, переключая телеканалы с английского футбола на испанский, слышу из обрывков «умных речей» (а многие из вещунов с «перестроечных» времён прописались в агитпропе), насколько правильнее, лучше и веселее стали мы жить по сравнению с ельцинским безвременьем, да вот мешают (или всё-таки не мешают – толком не разберёшь) антагонизмы между властью и какой-то там оппозицией – аппетиты бездарной труппы (что с основной сцены, что с запасной) растут на глазах; из-за этих дутых антагонизмов и дорожают, надо думать, бензин, табак и водка; ну и «санкции», конечно, чуть не забыл, – вовремя подоспевшие, вместе с пресловутой мировой экономической конъюнктурой, для того чтобы легитимно держать электорат в чёрном теле, а придворным олигархам «по справедливости» и под «патриотические» фанфары облегчить налоговое бремя. Картинка удручает своей реалистичностью. Бытие определяет сознание... (отточием заслоняю многоэтажье отборнейшей матерщины).

В силу заявленного (ирония хоть как-то ещё выручает) ясно уже, что открыто высказанные или подспудно дающие о себе знать в тексте авторские оценки, симпатии и антипатии, относящиеся к событиям столетней давности, обусловлены прежде всего переживаниями и впечатлениями сегодняшнего дня и семейными историями-преданиями. Вряд ли кто-то, включая бьющих себя в грудь и оперирующих «неопровержимыми» аргументами объективистов, способен избежать в своих выкладках корректировки актуальностью текущего момента. Игра в объективизм неизменно оборачивается субъективизмом второго и третьего (идеологического)

порядка.

И ещё несколько вводящих в основной сюжет ремарок. Пафос авторских рассуждений, вернее, один из главных его потоков, не в непрерывной порке политического (хотя по субботам не мешало бы), а в указании политическому его реальному месту: «надстройки», а не «базиса», – если неапологетически прибегнуть к известному лексикону. Понятно опять же: причина критического настроения здесь – в гипертрофированной в количественном измерении и бездарной по качеству политизация нынешней отечественной общественной жизни. Зарубежье, как и соседский быт, меня интересует постольку-поскольку: в роли зеркала – кривого, конечно... Впрочем, как и в Комнате смеха из счастливого детства. Сдав всё, что можно и нельзя, в 1990-ые, превратив страну в посмешище, ополчиться на «Матильду» и мумифицированного Ленина – это идиотизм, злобный симптом причастных к сдаче. Кто не захочет, не пойдёт ни в кинозал, ни в Мавзолей (сам не был в нём ни разу – и не тянет). А посетившие ожесточатся не больше, чем от соотношения «рыночных» зарплат и цен, наглости чиновников и бреда официозного телеэфира. Чего огород-то городить? Если отвлекающий манёвр, то тоже глупо...

Наконец, держась приличий интеллектуального труда, надо отметить, что материал трёх нижеследующих параграфов докладывался и обсуждался на научных форумах в текущем – юбилейном, как ни крути и ни «экологизируй», – году.

Понять прошлое с достоверностью настоящего: вековые смыслы Русской революции.

Задача, поставленная как заглавная, непроста в разрешении. Да и неясно, заслуживает ли она постановки вообще. Причина тому – двусмысленность «настоящего»: оно и «подлинное», и «теперешнее». Не всякое теперешнее, нынешнее, сиюминутное – фиксируемое человеком в себе и в окружающем мире – по-настоящему подлинно, справедливо, правдиво. Но и нет ничего в нынешнем, что никак не касалось бы истинного

положения дел. Миражи, фантазмы, спекуляции в превратной форме отсылают нас к ненадуманной, неиллюзорной реальности.

Ещё дилемма. Что более достоверно (что требует и получает как рациональное, так и иррациональное подтверждение): то ли теперешнее, текущее, то ли прошедшее, состоявшееся? Ответ во многом зависит от того, было ли прошедшее когда-то настоящим для данного конкретного человека или же некогда случившееся изначально находилось для него, реконструктора-толкователя, в историческом прошлом. Разумеется, не всякое свидетельство современника, прямого участника или наблюдателя происходящего, достоверно; не всякий опыт такого рода содержателен. Однако нет ни одного опосредованного, косвенного заверения, которое не уступало бы по степени достоверности чьему-то непосредственному свидетельству; нет ни одного косвенного, инспирированного опыта, который не уступал бы по глубине содержания опыту, пусть и не сразу осмысленному и запечатлённому, кого-то из действующих лиц или зрителей конкретного события.

Тезис, разумеется, полемичен. Заслуживает внимания следующее возражение (о его авторе речь впереди): «Ни один мемуарист не может избежать невольной и бессознательной саморедактуры. Когда же редактуру берёт на себя время, тогда возникает феномен художественности. Время ничего не дописывает и ничего не вычёркивает, оно действует как-то иначе. То, что убито временем, то уже убито окончательно, а то, что осталось жить, то живёт удивительной, меняющейся жизнью»².

Не стану рубить с плеча и настаивать на приоритете пространственного, не временного, ракурса – ландшафта, пейзажа, интерьера – в художественных, эстетических практиках (это тема отдельного большого разговора). Не буду подробно останавливаться на сомнительности дополнительной объективации и идеализации времени: все операции со

² Трифонов Ю.В. Отблеск костра. Документальная повесть // Трифонов Ю.В. Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1985–1987. Т. 4. С. 47–48.

смыслами проворачивает не время, а люди, живущие в нём и, прежде всего, в конкретном природно-культурном пространстве. И у кого-то от найденных старых дневниковых записей и документов ком встанет в горле, а кто-то преспокойно растопит ими печь или сдаст в макулатуру. Смыслы не могут не зависеть и не меняться от настроения людей, от физических и технических флуктуаций сущего. Стихийные бедствия и катастрофы погребли под историческими развалинами многие идеи и их телесно-вещные воплощения – породив в свою очередь новые. И если время умывает руки в актах концептуализации, ему грош цена. Согласен: большое (как и всё остальное, впрочем) – корректно, без особых сомнений в достоверности – видится на расстоянии. Наверное. Но на расстоянии вполне определённом. Оно не превышает обычно дистанцию в два-три поколения, что позволяет (в полемике с объективистами и примыкающей к ним частью интерсубъективистов):

- без стеснения сохранить собственно человеческий, личностно-родовой характер опыта и свидетельства;
- до минимума сократить разрыв между настоящим-теперешним и настоящим-подлинным;
- максимально приблизить незасвидетельствованное в прошлом настоящее и прошлое как таковое к рубежу достоверности, иначе говоря, осмыслить прошлое с достоверностью настоящего.

Настоящее в его подлинности препятствует деструкции человеческого существа: раздраю в нём психического и соматического, рационального и иррационального, чувственно-эмоционального, волевого и интеллигибельного. Подлинное здесь и сейчас, не ограничивая и не успокаивая человека актом понимания, не оставляет его безучастным, требует принятия или отторжения понятого. Примирение возможно лишь в будущем. В настоящем – в лучшем случае перемирие между принявшими и отторгнувшими, только привал. Умиротворение – это возрастное, стариковское.

Задиристо высказался по обсуждаемой теме Иван Лукьянович Солоневич. История Русской революции, на его и не только на его взгляд, имеет обширную литературу, и та будет ещё прирастать – по преимуществу количественно. Однако маловероятно, что будущие исследователи поймут эту революцию лучше, чем поняли её активные современники. «Наш непосредственный, выстраданный опыт полнокровнее будущих изысканий будущих приват-доцентов. Словом, мы знаем революцию. Будущие историки знать её не будут»³. Пусть по горячим следам об эпохальном событии «с одной стороны – пишет присяжный поверенный, который всю свою жизнь только тем и занимался, что “делал революцию”, с другой стороны, пишет околоточный надзиратель, который этого присяжного поверенного вовремя повесить не сумел...»⁴. К фразе просится завершение: размышления нейтрала-объективиста, не говоря уже о речах и писаниях держащих нос по ветру, ещё уморительно никчёмнее.

Смехотворны надежды на примирение сегодняшних красных и белых, когда позорно, с плебейским невежеством отменяется соответствующий «красный день» в календаре; когда год столетия Октябрьского вооружённого восстания объявляется властью предержажими «годом экологии». Тут, скорее, выболтанное намерение дезинфицировать, зачистить, прибрать к рукам общественное сознание – и оставить нетронутыми вопиющие формы социальной несправедливости.

Теперь об историческом апогее Русской революции, о некоторых смыслах Октября 1917-го, не теряющих, а быть может, и прибавляющих в актуальности. По сравнению с ним Февраль перифериен, вторичен: ординарная буржуазная (по удовлетворённым интересам) революция, каких к тому времени случилось уже немало в мире.

Собственно, один значимый смысл – мирового, цивилизационного масштаба – прописан сходу (в очередной раз): Октябрь 1917-го символизирует первый в истории удавшийся социалистический переворот.

³ Солоневич И.Л. Белая Империя. М.: Москва, 1997. С. 21.

⁴ Там же.

Французская революция размежевала традиционное общество и модерновое. Русская революция отграничила социалистический мир от мира капитала. Какая демаркационная линия существеннее, радикальнее? Если капитализм и социализм конвергируют – то французская; если эта конвергенция не пройдет – то, возможно, и русская, большевистская. Эрнст Никиш, немецкий национал-большевик, чутко улавливая линии цивилизационных разломов, утверждает: «Французская революция 1789 года всего лишь переставила акценты, не изменив Запада в целом и не порвав с ним. <...> С русской революцией 1917 года всё обстояло иначе. То, что здесь происходило, лежало за пределами западноевропейской сферы. Глубина и широта этого переворота были сравнимы с вторжением христианства в римское общество. С социологической точки зрения, это было восстание рабов и “варварских народов”, которые действовали рука об руку»⁵. В этой связи антикапиталистическое и антифашистское движение на Западе должно озаботиться внесением лучшей части европейского наследия «во вновь возникающий русско-азиатский мир»⁶.

Наконец, о смысле национальном. Какова всё-таки в этом разрезе наша революция: русская или российская? Именование её российской означает подгонку под политкорректные идеологемы сегодняшнего дня. Здесь тот случай, когда настоящее-теперешнее, соотносясь с прошлым, выказывает всё своё убожество: и моральное, и интеллектуальное. Разве «россиянами» считали себя соотечественники, отказавшиеся от монархии, а затем прогнавшие и министров-капиталистов? Разве «россияне» бились друг против друга на фронтах братоубийственной гражданской войны? Разве «российскую» общность выковывал советский строй? С выпячиванием «российскости» всё невпопад!

Именование революции русской не умаляет ни остроты национальных проблем в государстве накануне переломных событий, ни роли в них

⁵ Никиш Э. Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события / Пер. с нем. А.В. Перцева. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 237.

⁶ См.: Никиш Э. Указ. соч. С. 240.

выходцев с национальных окраин. Однако характер этой роли никак нельзя назвать пророссийским. Да, он мог быть порой антирусским – но в первую очередь концентрированно выражал ненависть к внутрплеменной эксплуатации. Показательна тут ситуация с «еврейским фактором» – наконецником социального недовольства в кругу национальных меньшинств империи. Если и отыскивать «инородческий след» в перипетиях 1917 года, то, вероятно, по небеспристрастной формуле Юрия Слёзкина. По версии профессора Калифорнийского университета, одной из подпорок-частей Февраля и Октября стала «еврейская революция против еврейства»⁷ – радикальная эмансипация значительной части диаспоры от этно-религиозного гнёта на платформе интернационализма. Тезис верифицируем: прогуливаясь «инкогнито» декабрьским днём 1925 года по Подолу, Василий Витальевич Шульгин, бывший главный редактор «Киевлянина», старозаветных евреев – «с бородами, в картузах, в длиннополых чёрных пальто» – не встретил ни одного⁸. О приобретениях и потерях на очерченном пути освобождения судить не стороннему наблюдателю.

Разумеется, этнически упрощённая мотивация социального радикализма – реакция представителя национального меньшинства на великодержавные притеснения – наверняка имела место или даже превалировала в тактическом, краткосрочном плане; но в стратегическом отношении её весомость сомнительна – именно в качестве реально наличествующей мотивации, а не корыстно фабрикуемой «единокровными» эксплуататорами. Не исключаю, что сформулированное суждение тоже, в свою очередь, небескорыстно. Оно выстроено представителем титульной нации, и притом не либеральным демократом (в аутентичном, западном толковании данной позиции), не либералом уж точно, проще говоря, человеком, не очень озабоченным проблемами и комплексами всевозможных

⁷ Слёзкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире / Пер. с англ. С.Б. Ильина. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 221.

⁸ См.: Шульгин В.В. Три столицы. М.: Современник, 1991. С. 82.

меньшинств и стороннего большинства; вообще (отсюда и рефлексивное предпочтение экзистенциального социальному) сближающимся, очно и заочно, с немногими людьми – и тут уж независимо от их родословной. В студенческие годы на меня, горожанина, сильное впечатление произвели книги Юрия Трифонова, перечитываю их и сейчас. В «Отблеске костра», документальной повести об отце-революционере (и о мощи временного отбора), он с симпатией вспоминает видного большевика Аарона Александровича Сольца. «Совесьть партии», как о нём говорили товарищи, член Президиума ЦКК ВКП(б), член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна, член Верховного суда СССР. Двоюродный брат деда писателя по материнской линии. До революции отбывал ссылку вместе со Сталиным. Умер в 1945 году то ли в психиатрической лечебнице, куда был принудительно помещён, то ли после выхода из неё: сведения противоречивы. В автобиографии для Энциклопедического словаря Гранат, будучи уже-ещё во властной обойме, писал: «За время моей гимназической жизни я мало или, вернее, совсем не интересовался социальным вопросом, но был весьма оппозиционно настроен к властям предрержащим. Истоком этой оппозиционности было, несомненно, моё еврейство. В гимназию я попал с величайшими трудностями, ибо попал туда, когда приём был чрезвычайно ограниченный, и вот неравенство в гражданских правах меня, конечно, и толкнуло в оппозицию»⁹. Однако затем противоречия социальные и политические (в частности, мера большевизма-меньшевизма) становятся для А.А. Сольца существенно значимее противоречий этнических и национальных.

Вместе с тем нелепо отрицать вполне определённую эволюцию большевизма, связанную, кто-то скажет – с прагматичной переоценкой возможности мировой революции, кто-то – с имманентно присущими русскому марксизму и широкой базе его реципиентов (народным массам, попросту говоря) почвенническими интенциями. Если и поскольку верно

⁹ Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 688; Трифонов Ю.В. Указ. соч. С. 21–22.

второе, корректировка курса свидетельствует, кстати, и об эволюции пореволюционного классового государства к пост-пореволюционному «общенародному».

Михаил Агурский, лицо заинтересованное, указывает на 1926 год как на поворотный в некотором смысле в большевистской стратегии, меняющей интернациональные приоритеты на национальные¹⁰. Зимой СССР полунелегально (в рамках чекистской операции «Трест») посещает упомянутый ранее идейный русский белоэмигрант В.В. Шульгин. Осенью во МХАТе ставятся «Дни Турбиных» Михаила Афанасьевича Булгакова. Один из героев пьесы, белогвардейский офицер, признавая поражение в Гражданской войне, именно Красную армию отождествляет с Русской армией. Постановка вызвала шквал негодования среди коммунистов-интернационалистов, в частности, у Вальтера Беньямина, что и зафиксировано в его «Московском дневнике»¹¹. Заканчивается год сенсационным публичным докладом Юрия Вениаминовича Ключникова, ответственного совслужащего и по совместительству видного сменовеховца, который, явно не без поддержки сверху, констатировал недовольство москвичей «еврейским засильем» и высказался в том духе, что не всякая критика подобного рода замешана на антисемитизме.

Впрочем, русскому человеку (как и любому другому) разобраться бы прежде всего в себе. Русский вопрос – о справедливости и достоинстве, об их схождении и расхождении в жизни. Возможно ли ради справедливости пожертвовать достоинством или же подобная жертва со стороны индивида и малой группы лишь усугубляет ситуацию в обществе, множит социальную несправедливость? В революционном акте достоинство впереди справедливости, до предела обостряет её формы, сближая их вольно или невольно с формами крайней несправедливости. Залегая глубже справедливости (и чести), достоинство вулканической лавой вырывается

¹⁰ См.: Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 320 с.

¹¹ См.: Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с.

вдруг из недр человечности, будоража социальные уклады и институты. Его смысл не всегда эксплицируется ясно и отчетливо: стихия бури и натиска облекает и пронизывает его коннотациями упрямства, своеволия, озорства. Стержневая идея-интенция остаётся, однако, атрибутивной: утрачивая достоинство, революция скатывается к бунту.

Революция небескровна. Таково общее правило, нарочито удостоверяемое эмпирией. Оправдывая революцию, оправдываешь и кровопролитие: деваться некуда. Что положить на противоположную чашу весов? Вразумителен единственный ответ: достоинство человека труда – ущемлённое, поруганное, но не смилившееся и требующее признания, а перво-наперво экзистенциального крепежа: иначе оно легко может быть унижено и отобрано новой властью, новой конфигурацией социальной несправедливости. Если ссылка на достоинство трудящегося верна, то отсюда следует помимо прочего, что религия, рассматривающая труд как наказание за греховность и человека как грешника-гордеца, никогда толком не поддержит революционный настрой (еретические движения паллиативны), но никогда и не совладает с ним (она попросту в другой ментальной парадигме), хотя претерпеть от революционных серпа и молота может с лихвою. Национально главное в Октябрьской революции: русские не предали себя, не поддались на провокацию, не соблазнились утопией. То, что религиозная шелуха в одночасье слетела с миллионов людей, не критично для национального единения. Вера в справедливость осталась при нас. Собственно, она, легированная достоинством, и подтолкнула к восстанию.

В подтверждение своего тезиса – интуитивно непоколебимого, но на дискурсивном уровне нуждающегося в дополнительных аргументах – сошлюсь на авторитетное мнение В.В. Шульгина. Никому из нынешних записных «патриотов» с ним не тягаться: ни содержательно, ни стилистически. Чего стоит, к примеру, его характеристика рационализма: «вечный памятник Глупости, сложенный из крупинки Разума»¹², или

¹² Шульгин В.В. Три столицы. С. 108.

пейзажный оттенок снежного зимнего вечера за окном: «оттуда, из белесоватой темноты...»¹³! Да, националист (не отказался бы и ныне от рискованного титула, не робкого десятка), но и не «чёрной сотни», не погромщик – усмиритель варварства и разнузданности; и не лакирует туземство: трезво смотрит на русский народ. Ещё в «Трёх столицах», между прочим, сразу по возвращению из поездки в СССР, он прогнозировал наступление скверной, подлой «патриотической умственности», когда, вместо того чтобы «делать свою пристрочку к уже существующему» в России, начнут конъюнктурно «резать по живому сердцу»¹⁴. В конце 1950-х мудрый старик писал: «Теперь, более спокойно вглядываясь в прошлое, я начинаю думать, что всё произошло, как надо. Белые спасали имя русское по завету XVII века. <...> Красные смотрели более реалистически. Не связанные никакими понятиями о национальной чести, они занялись другим. Они прекратили международную бойню на русском фронте. Русское имя вследствие этого временно пострадало, но много русских жизней было спасено. <...> Как я теперь понимаю, продолжать войну было безумием. – И далее, касательно уже междоусобицы. – <...> Русскому по крови трудно мыслить великое, совершённое без насилия. Поэтому когда Ленин взялся за свой опыт, он не представлял себе его без насилия. Если бы он был индусом, то, может быть, думал бы иначе: вроде как Ганди <оба, кстати, восточной мудростью признаны махатмами. – А.Ф.>. Мы, Белые, тоже не были индусы. По паспорту, правда, мы были христианами. Но только по паспорту. Забыв слова Христа «взявший меч от меча и погибнет», мы обнажили оружие. Так возгорелась гражданская война в России»¹⁵. И, не стоит обманываться, угли её будут тлеть в русской душе – пока социальная справедливость, как её ни определяй, не будет ощущаться в жизни непосредственно, без витиеватых комментариев продажно-говорливых экспертов.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 116–117.

¹⁵ См.: Шульгин В.В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997. № 11. С. 138–175.

Антропологическая вертикаль революции: характеры – амбиции – интересы.

Не исключено, что в 1917 году и после действительно «все произошло, как надо». Но сомнения – в части «после» – остаются и гложут. Рискну поделиться. Ни слова о массовых жертвах и репрессиях. Арифметические подсчёты здесь бесчеловечны. Если и вспоминать погибших и пострадавших, то поимённо.

Судьбы Революции, Гражданской войны, Страны, наконец, решались, обострённо персонифицируя ситуацию, в отчаянной рубке – когда и вправду некогда всматриваться в лица – конницы Б.М. Думенко и А.Г. Шкуро. Оба пассионария – оба проиграли: один расстрелян как «чужой» среди своих, другой повешен как «свой» среди чужих. Выиграл ли от этого советский строй? Если и выиграл, то немного и ненадолго: всего через семьдесят лет, стусевавшись, он канет в историю. Может, справедливость взяла верх, может, её стало больше? Точно нет: «справедливая Россия» сегодня – это оксюморон... или название политической партии, что, впрочем, почти одно и то же. Может, одолела всех и вся тяга к мирной жизни и незамысловатой человечности? Тоже нет: жизненный путь таких, как Григорий Мелехов, – натуральных, самостоятельных – доброй участи не сулит; а коалиции и группировки, движения и фронты, тресты и синдикаты продолжают отыскивать врагов, инакомыслящих и расправляться с ними с непритупляющейся жестокостью и коварством. Кто же, в конце концов, оказался с прибылью? Ответ напрашивается невесёлый: вёрткая сволочь, которая – ловко маскируясь-институциализируясь и цинично пользуясь любой подвернувшейся идеологией – изо дня в день гнобит людей: исподтишка и по закону, принятому депутатской клакой.

Хрестоматийный «человеческий фактор». Решающий – и в революционную, и в суетливо-вялотекущую эпоху. Поставив «фактор» на ноги, очистив его от наносов избыточной неопределённости, получим

«вертикаль». В ней – такова авторская гипотеза (если выразиться на рационалистический манер) – имеет смысл выделить три фигуры. Сверху вниз: человек с характером, человек с амбициями, человек с интересами. Вертикаль благоволит здравому иррационализму и дистанцируется от оголтелого рационализма с его установкой подчинить жизнь, включая «высшие интересы» людей, расчёту, облагородить корысть.

Экстраординарное, революционное состояние общества тем и отличается от размеренного, ординарного, что делает зримым и социально оправданным возвышение здравого иррационализма и над фанатично-мутным иррационализмом «не от мира сего», и над рационализмом, бесстыдно прозрачным в своей примитивной посясторонности. Максимально самокритичный рационализм (стало быть, вольно или невольно заигрывающий с иррациональным) говорит о том, чего нельзя, не следует делать, подразумевая, что всё прочее, не подпадающее под ограничение, разрешено. Здравый иррационализм критичнее любого критического рационализма – до такой степени, что настаивает, в духе нетривиального отрицания отрицания, на вполне определённом, конкретном действии «несмотря ни на что», невзирая на сколь угодно широкий спектр рассудочных возражений. Два примера. Первый – борьба В.И. Ленина за курс на вооружённое восстание против большинства в руководстве партии. Один из внимательных слушателей «апрельских тезисов», развёрнутых в двухчасовом выступлении в особняке Кшесинской, позднее вспоминал: в той речи было много всего – но вовсе не было в ней «анализа объективных предпосылок, анализа социально-экономических условий для социализма в России»¹⁶. Интеллигибельный марксизм социал-демократического формата резко отставлен в сторону – и победа пришла! Второй пример – монолог Романа Валерьяновича Хлудова из булгаковского «Бега»: «Ну какое может быть положение на фронте? Бестолочь! Из пушек стреляют, командующему фронтом печку с угаром под нос подсунули, кубанцев мне прислал

¹⁶ Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. М.: Политиздат, 1991–1992. Т. 2. Кн. 3–4. С. 12.

командующий в подарок, а они босые. Ни ресторана, ни девочек! <...> Положение? Поезжайте... и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! Красные завтра будут здесь! И ещё скажите, что заграничным шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар!»¹⁷. Неслыханно!.. но так оно и есть! – вот формула, приближающая нас к распознаванию здраво иррационального феномена, субъектно порождаемого сильным характером.

Революция на подъёме, когда в основании её авангарда люди с характером. И она начинает идти на спад, когда характерные персоны замещаются персонами амбициозными. От революции не остаётся и следа при социальном доминировании человека с интересом. «Сознательный пролетарий» – привет классическому марксизму! – на революцию не поднимется, он до скончания века будет искать рационально беспроектные варианты. Вертикаль вертикалью, а следствие-то вытекло левацкое, – но это продуктивное, перспективное в снятии противоречие.

Я не сторонник разговоров на тему «что было бы, если бы...» и минимизирую предположения о том, «чего не было бы, если бы...». Но не без исключений. Одно из них касается роли В.И. Ленина в Октябрьском вооружённом восстании и перевороте. Убеждён (хилая гипотетичность тут неуместна): не было бы Ленина – не было бы и социалистической революции в России. Речь не о творческом развитии марксистской теории в новую, империалистическую эпоху и даже не о выдающихся организаторских способностях и твёрдой воле лидера большевиков – всё это в определённом смысле производные от его сущностного качества: сильного характера при минимуме амбиций. Главные соратники-конкуренты – Троцкий и Сталин – уже не той породы. У обоих зашкаливающие амбиции, и то, что у генсека характер оказался сильнее, чем у оппонента, содержательному развитию революции, органическому перерастанию её из военной фазы в мирную, всё равно не помогло. (Органический рост не отменяет здесь как таковую прерывность социального движения – элиминируются лишь, в тенденции,

¹⁷ Булгаков М.А. Бег // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1989–1990. Т. 3. С. 231.

предпосылки к термидору и перерожденчеству.) Революционный формализм, раскритикованный властью в сфере искусства, возобладал, риторически издеваясь над революционным содержанием, в сфере политики. И ещё. Амбиции – это не покрасоваться. Ну какой из рябого и сухорукого красавчик? Амбиции – это жажда власти, безраздельной, которую заведомо не удержать. Сегодняшняя «добропорядочная» мода на Сталина созвучна господствующему безыдейному технократизму, эклектично сочетающему в своём воспроизводстве глобальное и локальное, амбиции и интересы – характера тут кот наплакал. Маргинальная мода на Троцкого – сейчас и раньше – коррелятив беспочвенного классово-космополитического авантюризма (при рельефно критичном толковании); в лучшем случае – мода на великое освободительное начало (как минимум континентального, скажем латиноамериканского, масштаба), которое, при дающей о себе знать нехватке характера у зачинателей, так и остаётся перманентным началом без сколько-нибудь внятного продолжения-завершения. И, прежде чем вернуться к фигуре Ленина, два слова в защиту не присущего и ему «покрасоваться». Ничего априори негативного в демонстративной удали нет – на переднем крае борьбы, само собой, не в штабах. Без героев в смертельной схватке не устоять, не победить.

...У командира молодецкий вид.

Фуражка набок, расхлебастан ворот.

Смекалист, бесшабашен, норовист –

Он чёртом прёт на обречённый город...

Вновь процитирован Арсений Несмелов¹⁸, один из любимых поэтов. Мне не так важно, на чьей стороне воевал он тогда и в каком политическом лагере оказался бы теперь – лишь бы не в концентрационном. Кратно важнее, что офицерская честь для него выше любых идеологий и Маяковский столь же ценен, как Тютчев и Достоевский, как сам русский язык: «...Не знаю лучшего / Для сквернословий и молитв. / Он, изумительный, – от Тютчева /

¹⁸ См.: Несмелов А.И. Указ. изд.

До Маяковского велик...»¹⁹. Не чуждый реализму, неэфемерный, немягкотельный романтизм, прячемый порой за поволокой цинизма. По факту – воин-поэт активно боролся с большевизмом, отдавая должное противнику: «...Сам Ленин был нашим врагом!»²⁰.

Несколько штрихов к портрету большевистского вождя, «человека с сильным характером при минимуме амбиций». Обращаемся, разумеется, к неконформистским (без лакировки) свидетельствам.

Николай Николаевич Суханов симптоматично характеризует ораторскую особенность Ленина: не мастер изящной «круглой фразы», не острослов – «но оратор огромного напора, силы, разлагающей тут же, на глазах слушателя сложные системы на простейшие, общедоступные элементы и долбящий ими, долбящий, долбящий по головам слушателей до бесчувствия, до приведения их к покорности, до взятия в плен»²¹. Создатель большевистской партии именуется «явлением чрезвычайным», «гением» – и как все гении видится ненормально-узким, не способным постичь многого даже в общественной практике и теории. «Но зато в известной сфере идей – немногих, “навязчивых” идей – Ленин проявлял такую изумительную силу, такой сверхчеловеческий натиск, что его победоносное влияние в среде социалистов и революционеров уже достаточно обеспечивается самими свойствами его натуры»²². Он, утверждает автор «Записок о революции», взял массы бесшабашным радикализмом и разудалой левизной, а партийную братию – приёмами Бонапарта и Макиавелли²³. Не исключено, думается, и более глубокое сопряжение левого и правого в ленинизме. Вряд ли все его победы над левым коммунизмом были пирровыми (возразим здесь Н.Н. Суханову), и вряд ли пролетарско-крестьянские массы, «не знавшие иной выучки, кроме царской нагайки», жаждали услышать от взывающего к ним революционера сплошь левую мысль о сущностном равенстве людей, а и не

¹⁹ См.: там же.

²⁰ См.: там же.

²¹ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 11.

²² Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 21.

²³ См.: там же. С. 23–24.

мстительную ещё, перевёрнутую иерархически правую – о диктатуре трудового народа.

Неортодоксальный коминтерновец Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич, родители его матери – нижегородцы, знакомые М. Горького). Его эскизные, с натуры, зарисовки Ленина: мужчина с «заурядными русскими чертами», «сама простота», «большой крепкий лоб, улыбка человека здорового, знающего истину и уверенного в самом себе», «в его манерах и поступках не было ни малейшего намёка на вкус к власти, только требовательность серьёзного специалиста, который хотел, чтобы работа выполнялась хорошо и вовремя, и открытое стремление уважать новые порядки, вплоть до самых незначительных, казавшихся чисто символическими»²⁴. И напротив, для сравнения, Зиновьев, второй по партийному стажу в большевистском ЦК, «имел вид чрезвычайно самоуверенный», «он просто чувствовал себя на своём месте на вершине власти... однако от него исходило также ощущение дряблости и скрытой неуверенности»²⁵. Без комментариев.

В. Серж, кстати, в созвучии с аргументами и выводами В.В. Шульгина, не без оснований утверждает, что «Россия могла избежать красного террора, лишь пережив террор белый; она избежала бы “диктатуры пролетариата” только в случае установления диктатуры реакционной»²⁶. Конечно, заявление может быть воспринято как оправдание, причём не из разряда сильных, произошедшего и затянувшегося кровопролития и – в отражённом свете – как аргумент, средней руки (шульгинских «индусов» ему не перебить), в защиту принципа ненасилия. Но довод Сержа кратно усиливается предсмертным письмом его товарища, бывшего эсера-максималиста, павшего в бою с войсками Юденича, – строкой из письма: «Если посылаешь людей на смерть... следует погибнуть самому»²⁷. И тут непротивленцы и

²⁴ Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург: Оренбургская книга, НПЦ «Праксис», 2001. С. 127, 213.

²⁵ Серж В. Указ. соч. С. 99.

²⁶ Серж В. Указ. соч. С. 92–93.

²⁷ См.: там же. С. 118.

«ненасильники» сразу оказываются в роли праздных морализаторов.

Автор письма, Владимир Осипович Мазин (Лихтенштадт) – аутентичный человек революции, как и Ульянов-Ленин. Их интересы имеют основанием характер, не наоборот, не детерминируют его как у рационалиста. Возможен ли перенос очерченной ментальной структуры – с приоритетом основательно-характерных интересов над прочими – из революционной эпохи в последующие? Наверное. Однако этот трансферт сопровождается чаще всего упоминанием «белых ворон» и «красной книги».

Наследие революции: Россия как alter ego нелиберальной Европы.

Интересны ли мы по-настоящему кому-нибудь как народ, страна, как субъект истории и культуры? Или наша судьба – служить примером (глупости, мудрости, экзотики, чего-то ещё) для стороннего, в общем, наблюдателя? Речь не о том, чтобы лезть из кожи вон и любой ценой нравиться кому-то. Речь о человеческой взаимности, оклике-отклике, которые не требуют показного самобичевания и пустого самовосхваления, напротив, чураясь афиш и презентаций, крепят неброскую, но надёжную солидарность, избавляют от боязни сделать неверный шаг, позволяют обходиться без чопорности и панибратства, без натянутых улыбок и крокодиловых слёз.

Автономии, автаркии, суверенности существуют, всё же оглядываясь друг на друга. Что Европа для нас? Для российского западника – спина шествующего впереди кумира, которого всё никак не удаётся нагнать, спешащего то ли по делам, то ли просто оторваться от досужих преследователей. Адепту будто и невдомёк, что, согласно его же логике, предмет обожания виден всегда лишь с тыльной стороны. И почему-то не тревожат сомнения (и где же здесь чаемый картезианский дух?), что, догнавши лидера, не обнаружишь вдруг щеголеватого уродца. Для русского почвенника – не догматика и не скептика, а раздумывающего упрянца, «карамазовца» – Европа «давно уже кладбище и никак не более», но... «самое дорогое кладбище». Однако не торопится ли он её хоронить? И, опять

же, эта спешка: апокалиптического она толка или прогрессистски-буржуазного? Не исключено, впрочем, что буржуазный модерн сподобился подмять под себя, адаптировал к собственным интересам и эсхатологические настроения, и русскую самобытность.

Что мы для Европы? Россия царских времён – жандарм, которого можно вызвать для усмирения национальных восстаний в дряхлеющих «лоскутных» империях, а потом и для расчленения самой матричной дряхлости; особенно же – для обуздания амбиций молодых политических организмов: бонапартистских империй и прусского юнкерства. И жандарм придёт: по долгу службы или по своей ролевой тупости. Ему дозволено «третьеримское» речевое величие, мечтание о проливах, но для страховки он посажен старосветскими банкирскими домами на финансовую иглу. Словом, царизм интересен и выгоден Европе неформализованно казённой правизной, отнюдь не самой содержательной на данном мировоззренческом фланге. Европейцу-правоцентристу (традиционному обывателю) привычно и приятно пожуричь самодержавную Россию за беззаконие... и оставить её на казарменном положении. Левым европейцам (левоцентристам в массе своей, новомодным обывателям) царский режим, разумеется, антипатичен – прежде всего его нелиберальным духом, вольностями по отношению к формальному закону, т.е. чертой отнюдь не самой гадкой в восприятии монархии и всякого общественно-политического строя русским человеком.

Что мы для себя? Если верна формула (а хотелось, чтобы была верна), по которой мы нацелены на полярности, на их органический синтез, а предварительно хотя бы на их стильное чередование, то гневаться на большевистскую революцию, проклинать её – значит неамнистируемо осуждать русскую натуру: возможно и вправду несносную, но упрямо родную. Известно, авторитетно удостоверено: большевизм (концептуально не равный коммунизму) – не сугубо левое движение, Октябрь 1917-го – не чисто левый в воплощении проект. Доля правых помыслов и действий, о размерах её можно спорить, присутствует в том и в другом. Русскую

революцию сделали такие, как Шатов: они нескрываяемо презирают доморощенного либерала за лакейство (читай оригинал романа) и «у них у всех не разберёшь, где заканчивается их крайняя левость и революционность и начинается крайняя правость и реакционность»²⁸. Большевизм попытался сплотить вертикаль воли и горизонт вольницы. Не вызывает возражений и ремарка о многополярной сложности русского социализма. Вот только Ф.А. Степун, озвучивший её, односторонне оттеняет, со ссылкой на Ф.М. Достоевского, негативный веер полярностей. Тут «и догмат человекобожества (Кириллов), и принцип маски, оборотничества и провокации (Ставрогин), и всяческий псевдомессианизм националистический и классовый (Шатов), и двуединый пафос разрушения и иллюзионизма (Верховенский), и лишь на последнем месте <что характерно. – А.Ф.> мёртвая китайщина уравнилельного коммунизма (Шигалёв)»²⁹. Но всё это без огульного отрицания стоит соотнести с тем фактом, что большевистская революция бросила открытый вызов слезливо-пьяной достоевщине, жеманным стенаниям по поводу тягот маленького человека... и по боязни его роста, взросления. Октябрьское выступление презрело свойственный нам, увы, душевный мазохизм, подпитываемый религиозным дурманом. Вслед за Степуном обвинять Ленина сотоварищи в «псевдорелигиозной стилизации при откровенном богоотступничестве» не очень умно (любая революция дерзко или втихую направлена против богов), как и опрометчиво постулировать религиозность атрибутом нашего национального характера. Да нет, мы не обязательно религиозны и не обязательно атеистичны – мы метафизичны, это главное, гоним прочь скучнейший позитивизм: а богословскими или богоборческими средствами, не столь уж важно на первых порах. Вместе с позитивизмом выметается из избы и его политический коррелят – либерализм.

Я не апологет Ленина (Ленина-философа в особенности) – и не

²⁸ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 72.

²⁹ Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. 991. № 6. С. 236.

хулителю. Именован он, по примеру Степуна, «изувером науковерия» не стану. По сравнению с нынешними фанатиками технократического либерализма вождь революции – наивный романтик. А в отличие от академичных попперианцев он не мелочится с методом проб и ошибок, а использует его для захвата власти на одной шестой части суши. И когда П.Б. Струве, ещё пример, назвал Ленина «думающей гильотиной», то, впечатлившись, наверное, сконструированной претенциозностью, не подумал, вероятно, что частным порядком воспроизвёл картезианскую банальность о человеке как мыслящей вещи, – а если подумал, то удовлетворился немудрёной стилизацией.

Очередная шпилька либерализму и «общим местам». Одним из них в философской публицистике стал пункт о бесформенности русского природного ландшафта, обусловившего бесформенность (контекстуально – от бескрайности до аморфности) русской души. Тезис неглубок и нуждается в существенной корректировке. Никакая здесь у нас – ни в пейзажах, ни в изгибах души – не бесформенность, а неразрывная диалектическая связь содержания и формы. Да, нередко за счёт подчёркнуто доминирующего содержания, что препятствует – естественным порядком, нарушения коего сразу бросаются в глаза, – культу формализма. И не столько в литературе и живописи, сколько в общественно-политической практике и повседневной жизни, отроду не благоволящих отвлечённому законничеству.

Как же всё-таки быть тогда с отечественным художественным авангардом? Он мировоззренчески многолик. Действительно радикален, революционен – если отпечатывает в строке и изображает на холсте крушение старых содержательных форм и, контурно, зарождение новых. Оппортунистически либерален – если странной предметностью, нефигуративностью отсылает к чистым формам без содержания. Квазирелигиозен – если производит отсыл к никак не оформляемому содержанию.

Большевистская революция пробудила в мире неподдельный интерес к

нам широкого спектра левых и некоторых правых. Для нас, в свою очередь, любопытны прежде всего те европейцы, кто, как и мы, пытаются увязать нелиберально левое с нелиберально правым. Среди них, в частности, уже упоминавшийся немец Э. Никиш. Он ставил своей задачей превратить антилиберализм и антибуржуазность прусского юнкерства в национал-большевизм, вскрывал «злобную антибольшевистскую подоплёку» паневропейской идеи и в борьбе против «капиталистической буржуазии» ратовал за геополитический и социальный союз с СССР³⁰. Во Франции оригинален Пьер Дриё ла Рошель. О себе пишет в дневнике: «Я всегда хотел сблизить и перемешать противоположные предметы: нация и Европа, социализм и аристократия, свобода мысли и власть, мистицизм и антиклерикализм»³¹. Нас, русских, числит европейцами, но как бы с другого континента. В победоносном для нас 1945-ом подытоживает: «Большевизм давно сознал себя как выразителя славянского гения, славянской экспансии, славянского империализма. Россия сейчас в процессе реализации самого крупного расового предприятия, куда более широкого, чем германское. <...> Отныне Европа станет не более чем дорогой для Русской империи к Западному океану»³². Но то утверждалось применительно к притягательной силе Страны Советов.

Интересна ли миру современная, постсоветская Россия (речь, понятно, о неэгоистичной симпатии)? Не уверен, мягко говоря. Как и в том, что мы интересны сегодня сами себе. Большевистская революция соединила нелиберальное почвенничество и нелиберальное западничество на национальной, суперэтнической – советской – основе. Теперь же, несмотря на весь маскарад с пропагандой «традиционных ценностей», определяющую роль в общественной жизни страны играет тенденция к формализации, т.е. явной или скрытой либерализации, дополняемой полуфеодальной практикой

³⁰ См.: Никиш Э. Указ. соч. С. 241, 235.

³¹ Дриё ла Рошель П. Дневник. 1939 – 1945 / Пер. с франц. под ред. С.Л. Фокина. СПб.: Владимир Даль: Ювента, 2000. С. 506.

³² Дриё ла Рошель П. Указ. соч. С. 559–560.

«кормления» приближенных к власти персон. И напротив, наследие Русской революции – социальная справедливость вкупе с нелиберальными национальными смыслами – намеренно и корыстно вымораживается. Ну кому это придётся по душе!

Список источников:

1. Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. – М.: Алгоритм, 2003. – 320 с.
2. Бенъямин В. Московский дневник / Пер. с нем. С. Ромашко. – М.: Ad Marginem, 1997. – 223 с.
3. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 55–89.
4. Булгаков М.А. Бег // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Худож. лит., 1989–1990. – Т. 3. – С. 216–278.
5. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 832 с.
6. Дриё ла Рошель П. Дневник. 1939 – 1945 / Пер. с франц. под ред. С.Л. Фокина. – СПб.: Владимир Даль: Ювента, 2000. – 603, [5] с.
7. Несмелов А.И. Стихотворения и поэмы // Несмелов А.И. Собр. соч.: В 2 т. – Владивосток: Рубеж, 2006. – Т. 1. – 560 с.
8. Никиш Э. Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события / Пер. с нем. А.В. Перцева. – СПб.: Владимир Даль, 2012. – 560 с.
9. Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. – Оренбург: Оренбургская книга, НПЦ «Праксис», 2001. – 696 с.
10. Слёзкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире / Пер. с англ. С.Б. Ильина. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 544 с.
11. Солоневич И.Л. Белая Империя. – М.: Москва, 1997. – 368 с.

12. Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 201–239.
13. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. – М.: Политиздат, 1991–1992. – Т. 2. Кн. 3–4. – 399 с.
14. Трифонов Ю.В. Отблеск костра. Документальная повесть // Трифонов Ю.В. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Худож. лит., 1985–1987. – Т. 4. – С. 5–144.
15. Шульгин В.В. Опыт Ленина // Наш современник. – 1997. – № 11. – С. 138–175.
16. Шульгин В.В. Три столицы. – М.: Современник, 1991. – 496 с.

Исторические смыслы Великой русской революции

Кочеров Сергей Николаевич

доктор философских наук, профессор департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

e-mail: kocherov@yandex.ru

Столетие русской революции побуждает задуматься не только об ее необходимости и причинах победы в ней большевиков, но и об ее целях и смыслах – провозглашенных и реализованных. Автор статьи полагает, что если внешние и внутренние условия и сделали революцию 1917 года в России практически неизбежной, то захват и удержание власти большевиками не были исторически предопределены. Своеобразие Великой русской революции состоит в том, что, будучи антибуржуазной по своему характеру, она ускорила экономическую модернизацию России, которая в других странах шла путем развития капитализма. Но антикапиталистический вектор развития затруднил политическую модернизацию страны, стимулируя новые власти использовать для построения нового общества не демократические, правовые, а тоталитарные, репрессивные методы.

Ключевые слова: революция, переход к индустриальному обществу, модернизация политической системы, причины победы большевиков, социальная утопия.

The centenary of the Russian Revolution provides an impetus to think not only about its necessity and reasons for Bolsheviks' victory, but about its goals and meanings, both declared and accomplished, as well. The author opines that while external and internal conditions made the 1917 revolution virtually inevitable, assumption and retention of power by Bolsheviks were not historically predetermined. The peculiarity of the Great Russian Revolution is in the fact that, being antibourgeois in its nature, it boosted Russia's economic modernization – the process that in other countries took place via capitalism development. However,

the anticapitalistic development thrust impeded political modernization of the country, prompting the new government to use not democratic and lawful means, but totalitarian and repressive methods while building a new society.

Keywords: revolution, the transition to an industrial society, the modernization of the political system, the reasons for the victory of the Bolsheviks, social utopia.

Россия неслучайно известна как страна с непрогнозируемым будущим и непредсказуемым прошлым. Одни и те же исторические события приобретают диаметрально противоположные оценки в зависимости от политических интересов и ценностных предпочтений группировок, сменяющих друг друга у кормила государственной власти и/или оказывающих преобладающее влияние на общественное мнение. Но в истории России трудно найти другое событие, вызвавшее такое множество теоретических реконструкций, идеологических построений и мифопоэтических сказаний, как русская революция 1917 года. Это можно объяснить лишь переломным характером данного периода и противоречивостью его вклада не только в историю России, но и в развитие мировой цивилизации. Почти весь XX век как Россия и страны бывшего СССР, так и многие другие государства мира прожили, испытав на себе определяющее или значительное влияние русской революции. Но даже 100 лет спустя идут ожесточенные споры об ее смыслах: являлась ли она неизбежной, что обеспечило победу в ней большевиков, в какой мере она достигла заявленных целей и чем обернулась для России – спасением для гнущей страны или ее 70-летним движением по тупиковому пути.

«Где начало русской революции? – спрашивает Р.Э. Пайпс. – Петр Струве, ведущий либеральный публицист начала века, анализируя крушение Российской империи, приходит к выводу, что предпосылки гибели были заложены уже в 1730 году, когда императрица Анна Иоанновна преступила обещание придерживаться тех конституционных ограничений, которые

аристократия навязывала ей условием вступления на трон. Существуют достаточно веские основания, чтобы полагать началом революции неудачную попытку восстания декабристов в 1825 году. Во всяком случае в 70-е годы XIX века революционное движение в России было уже вполне оперившимся; и вершители революции 1917 года видели в радикалах 70-х годов своих предтеч»¹.

В.О. Ключевский, не доживший шесть лет до русской революции, но словно предчувствовавший ее приход, видел основу будущих потрясений в главном противоречии политической модернизации страны, которую в XVIII-XIX вв. пытались проводить «верхи» в России. По мнению историка, неудачи реформаторов были обусловлены тем, что они «решились вводить новые государственные учреждения раньше, чем будут созданы согласованные с ними гражданские отношения, хотели построить либеральную конституцию в обществе, половина которого находилась в рабстве, т.е. они надеялись добиться последствий раньше причин, которые их производили»². Так возник порочный круг, когда модернизация государства предполагала гражданское общество, а гражданское общество не могло возникнуть без модернизации государства.

К этому добавлялась характерная для правящей элиты имперской России – сначала дворянской, затем бюрократической – неспособность и нежелание воспринимать и считаться с коренными нуждами и чаяниями своего народа, до которого большинству ее представителей не было дела. «Эти государственные мужи, – замечал Ключевский, – так понимали психологию русского народа, что надеялись утолить его вековую жажду свободы, вливая ее ежегодно посредством ограниченного указа в воспаленные уста по микроскопической капле. Таким гомеопатическим лечением зла, по всему вероятно, довели бы пациента до движения, перед которым пугачевщина показалась бы мелкой ссорой крестьянских ребят с

¹ Пайпс Р. Агония старого режима: 1905-1917 // Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. – М., 2005. – Кн. 1. – С. 9-10.

² Ключевский В.О. Курс русской истории: в 5 ч. // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. – Т. 5. – М., 1989. – Ч. 5. – С. 237.

барчуками. Эта политика постепенности и скрытности строилась не на народной, а на правительственной и дворянской психологии, вытекала из инстинктивного страха властвующих слоев перед народом, а страх внушал им смутное чувство своей виновности перед этим народом, у которого они все брали и которому за это ровно ничего не давали»³.

На еще более далекие по времени истоки русской революции указывал Н.А. Бердяев. По его мнению, не случайно «советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с московским православным царством. ...Русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве, как Третьем Риме. Религиозный раскол XVII века обнаружил, что московское царство не есть Третий Рим. Менее всего, конечно, петербургская империя была осуществлением идеи Третьего Рима. ...И вот произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима, в России удалось осуществить Третий Интернационал. ...Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере»⁴. С этой преемственностью был связан тоталитаризм и этатизм Советского государства, пришедшего на смену одряхлевшей, духовно расколотой и утратившей историософскую перспективу империи Романовых. При таком подходе русская революция может быть понята как реванш мессиански-державного национализма над либерально-бюрократическим космополитизмом, с уточнением, что верноподданным новой державы стал уже не «православный русский», а «советский коммунистический» человек.

Конечно, можно видеть главную причину падения династии Романовых и захвата власти большевиками в неудачной для России Первой мировой войне и попытках найти из нее приемлемый выход. Так, Ф.А. Селезнев утверждает, что «Февральская революция стала результатом раскола правящего класса царской России, часть которого, чтобы предотвратить действительную или мнимую угрозу заключения Николаем II

³ Там же. – С. 342.

⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 117-118.

сепаратного мира с Германией, пошла на союз с контрэлитой»⁵. Можно согласиться с исходным тезисом А.Н. Медушевского, что «причина революции – неспособность традиционалистского авторитарного режима овладеть тем процессом модернизации, который был успешно начат либеральными реформами 60-х годов XIX в., но не доведен до логического конца»⁶. Безусловно, заслуживают внимания выводы тех историков, кто указывает на большое значение в обострении революционной ситуации в 1917 г. нерешенности земельного вопроса и ухудшения положения фабрично-заводских рабочих или конфликта Николая II и его «камарильи» с правящей элитой и неумения либерально-консервативной и умеренно-социалистических сил объединиться против радикалов. Но если даже видеть в русской революции необходимо-случайное сцепление внешних и внутренних причин, нельзя не признать, что дрожжи, которые породили огненный напиток, ударивший в голову России, «бродили» в российской истории в течение многих столетий. Россия конца XIX – начала XX веков была так же «беременна» революцией, как Россия XVII – XVIII веков крестьянским восстанием.

Но какова была природа этой революции, какие задачи, обусловленные уровнем социально-экономического и культурного развития России к началу прошлого столетия, она исторически была должна и объективно могла решить? В последней трети XIX века страна вступила в период индустриализации, опережая на рубеже двух столетий по ее темпам (но не валовым показателям) передовые промышленные страны в мире. Устойчивое вхождение России в группу развитых государств было невозможно без модернизации политической системы страны – преодоления архаического самодержавия. Однако не только в голове царя и его придворных, но и в сознании правящей элиты в конце XIX – начале XX вв. преобладала вера в то, что православное самодержавие составляет главную политическую и

⁵ Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914-1918 гг.) – СПб., 2017. – С. 178.

⁶ Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. – М.; СПб., 2017. – С. 68.

духовную скрепу России, без которой хотя и несовершенный порядок в обществе сменится кошмарным хаосом, и Россия перестанет существовать. Даже российские либералы, например, лидер партии кадетов П.Н. Милюков, долго не выходили в своих ожиданиях за рамки «конституционной и парламентской монархии», полагая, что утверждение конституционного либерализма в стране потребует немало лет. А некоторые русские мыслители допускали, что самодержавие в России будет связано с идеей социализма. Так, православные монархисты Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев писали о возможности православного и монархического социализма, а сторонник теократии В.С. Соловьев говорил, что для победы над неправдой социализма нужно прежде признать его правду и осуществить ее.

В самом революционном движении в России с конца XIX в. шла борьба между марксистской и народнической программой перехода к социализму. Первую из них разделяли большевики и меньшевики, вторую – эсеры, анархисты и «трудовики». Особенностью «русского социализма» (кроме его меньшевистской версии), перешедшей к третьему поколению российских революционеров от Чернышевского и Желябова, была его антибуржуазная направленность, доходившая до неприятия западного парламентаризма, либерализма и демократии. Между тем еще основатели марксизма обличали этот «истинный» социализм, отмечая его склонность «предавать традиционной анафеме либерализм, представительное государство, буржуазную конкуренцию, буржуазную свободу печати, буржуазное право, буржуазную свободу и равенство и проповедовать народной массе, что в этом буржуазном движении она не может ничего выиграть, но, напротив, рискует все потерять»⁷. Маркс и Энгельс видели в такой критике проявление отсталости Германии от Франции, непонимание того, что движение к социализму предполагает развитое буржуазное общество с характерным для него экономическим базисом и соответствующей политической надстройкой.

В этом состояла суть разногласий большевиков и меньшевиков в

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: В 50 т. – 2-е изд. – Т. 4. – М., 1955. – С. 452.

русской революции. В период между февралем и октябрём 1917 г., когда левые силы установили контроль – как над Петроградским советом, так и над Временным правительством (с преобладанием в нём эсеров), – стало ясно, что решающую роль в правительстве будут играть социалисты. Вопрос состоял не в том, следует ли им брать власть в свои руки, а в том, надо ли брать эту власть для проведения социальных реформ или социальной революции. Первый русский марксист В.Г. Плеханов ещё в своей полемике 1880-х гг. с народолюбцами предупреждал об опасности захвата власти кучкой революционеров и попытки директивного введения социализма. По его убеждению, это могло бы привести лишь к тому, что «здание социалистической организации будет строиться руками правительства» и «национальным производством будет заведовать социалистическая каста»⁸, т.е. «к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке»⁹. Плеханов остался верен этому взгляду и в революционной России, когда в июне 1917 г. произнес известные слова, что «русская история ещё не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма»¹⁰. Он видел выход из ситуации не в «диктатуре пролетариата», которая станет вывеской для партийной диктатуры, а в союзе меньшевиков и эсеров с кадетами, поддержке Временного правительства, войне до победного конца и проведении социальных реформ.

Противоположной точки зрения придерживался В.И. Ленин. Исходя из неравномерности развития капитализма в современную эпоху, лидер большевиков сделал вывод о возможности победы социалистической революции в отдельно взятой стране, являющейся наиболее «слабым звеном» в цепи мирового империализма. Политическая и экономическая отсталость России казалась Ленину преимуществом, которым необходимо воспользоваться для начала социалистической революции, несмотря на отсутствие реальных основ для социалистической организации производства.

⁸ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба / Г.В. Плеханов. Избр. филос. произв.: в 5 т. – Т.1. – М., 1956. – С. 103, 105.

⁹ Плеханов Г.В. Наши разногласия / Г.В. Плеханов. Избр. филос. произв.: в 5 т. – Т.1. – М., 1956. – С. 323.

¹⁰ Плеханов Г.В. Год на Родине. – Париж, 1921. – С. 218.

Поэтому он призывал к превращению войны империалистической в войну гражданскую, свержению Временного правительства, установлению диктатуры пролетариата и построению социализма «сверху». В 1921 г., в годовщину Октября, Ленин говорил: «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как “побочный продукт” нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы»¹¹.

С точки зрения теоретического марксизма, его учения об общественно-экономических формациях, из которого следует, что нельзя построить социализм, перескочив «мимоходом» через буржуазный этап развития, в этом споре были правы меньшевики. Но с точки зрения марксизма практического, отводящего ведущую роль практике (особенно революционной), которая объявляется критерием истины, большевики имели основания думать, что историческая правда в тех условиях находится на их стороне. Россия начала XX в. лишь при «объективистском» подходе к ней казалась страной, готовой для проведения буржуазно-демократических реформ и принятия либеральных ценностей. Как впоследствии признавал Н.А. Бердяев, который не замечен в симпатиях к большевикам, «в России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствовавшим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической»¹². Но попытка построения социализма в стране, которая была еще далека от завершения необходимых для этого пути индустриальных изменений и конституционных реформ, не могла не носить характера директивного внедрения утопии в жизнь.

«Ход исторического процесса, – писал о стратегии большевиков Г.В. Вернадский, – в определенном смысле был поставлен с ног на голову:

¹¹ Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции / Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – Т. 44. – М., 1970. – С. 147.

¹² Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. – Харьков; М., 1999. – С. 236.

высочайший уровень промышленного развития, который, по всей логике марксизма, должен был предшествовать революции, на самом деле стал ее следствием. В России, таким образом, развитие экономики не только не определяло ход политического развития, наоборот, политическая система была использована в качестве рычага для пересмотра и реорганизации системы экономической»¹³. Экономическое принуждение к труду со стороны капитала в СССР было заменено на внеэкономическое принуждение к труду со стороны государства. При этом необходимостью преодоления вековой отсталости страны, да еще в самые короткие сроки, оправдывалось то, что «государство рабочих и крестьян» с конца 1920-х – по начало 1950-х гг. фактически являлось капиталистом – по отношению к рабочим, крепостником – по отношению к крестьянам и рабовладельцем – по отношению к заключенным.

Впервые с конфликтом между своими идеями и реальностью большевики столкнулись вскоре после сравнительно легкого захвата власти в России. Обманчивость быстрой победы вызвала у них такую эйфорию, что они начали вводить в обществе «коммунизм», под которым понимали обобществление производства и прямое распределение благ, изъятых у враждебных классов. Эти действия были основаны на убеждении, что социалистическая революция в России послужит сигналом к началу мировой революции, без которой они тогда не представляли победы социализма в своей стране. «Мы с самого начала говорили, – заявил В.И. Ленин в 1922 г., – что нам приходится делать непомерно новое дело и что если нам быстро не помогут товарищи рабочие стран более развитых в капиталистическом отношении, то дело наше будет невероятно трудным, в котором будет, несомненно, ряд ошибок»¹⁴. Стратегия, обусловленная рискованной ставкой на мировую революцию, не могла не привести к тяжелым последствиям, которые, вероятно, не входили в планы большевиков, но стали результатами

¹³ Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. – С. 419.

¹⁴ Ленин В.И. XI съезд РКП(б) 27 марта-2 апреля 1922 г./ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – Т. 45. – М., 1970. – С. 75-76.

их действий. Вследствие этого после «триумфального шествия» Советской власти в стране разразилась Большая гражданская война, и в 1918-1919 гг. Советская Россия оказалась в «огненном кольце», будучи отброшенной к границам Московской Руси конца XV века.

Была ли в тех условиях победа большевиков неизбежной? На этот вопрос часто можно услышать банальный ответ, что история не знает сослагательного наклонения. Это так же верно, как и то, что история не знает законов, на основании которых можно «вычислить» исход событий, в которые вовлечены тысячи людей. В революции важно умение выбрать адекватные время и форму для заявления или действия, корректировать свою позицию с изменением обстоятельств и оперативно решать задачи момента. Большевики отличались от других сил не тем, что не допускали просчетов (можно вспомнить едва не приведшее к их разгрому июльское выступление 1917 г.), а тем, что учились на своих ошибках и использовали промахи других сил, проявляя при этом большую энергию, высокую дисциплину и готовность идти до конца. А.Ф. Керенский и лидеры эсеров и меньшевиков, напротив, сами выпустили власть из своих рук, не решив ни одну из неотложных российских задач и оттолкнув силы «справа», которые могли стать их союзниками в борьбе с большевиками. Поэтому к ним также можно отнести слова И.Г. Щегловитова, сказавшего в 1915 г. о политической ситуации в России: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как то нехотя борются с эпилептиками революции»¹⁵.

Что касается причин поражения сил, которые вступили в вооруженную борьбу с большевиками, то, помимо недостатка ресурсов и разрозненности действий, они так и не выработали программу, которая была бы принята народом России. Белая гвардия, воевавшая против Красной армии, потерпела решающее поражение не на полях войны, а в душах людей, так как ее лидеры и идеологи не смогли предложить альтернативу идее большевиков. Как позже признал Борис Савинков, «армии Колчака и Деникина не дали

¹⁵ Цит. по: Пайпс Р. Указ. соч. – С.333.

результатов потому, что "доблестные" генералы не уразумели того, что идею нельзя победить штыками, что идею нужно противопоставить тоже идею, и идею, не вычитанную из книг и не возвращенную на традициях Карамзина, а живую, жизненную, понятную каждому безграмотному солдату и близкую его сердцу»¹⁶. Зная, что самым важным для большинства народа является аграрный вопрос, «белые» приняли закон, дающий крестьянам право собственности на занятую ими землю, только в июне 1920 г., когда их дело было уже проиграно. Их поражению также способствовала интервенция бывших союзников из Антанты, которая позволяла обвинить их в продаже Родины. Поэтому, хотя на территориях, подвластных «белым», не было ни массового голода, ни классового террора, они не смогли получить массовой поддержки. И крестьяне, недовольные насильственным изъятием продуктов их труда большевиками, делая выбор между «красными» и «белыми», обычно предпочитали первых. Затем уже большевики расправились и с «зелеными», а когда восстания крестьян грозили принять массовый характер, заключили с ними временный компромисс. Переход к НЭПу на время сгладил противоречия между городом и деревней, а физическое уничтожение вождей и активистов крестьянского сопротивления впоследствии облегчило проведение коллективизации.

Что же такого понятного и близкого было в идеях большевиков, чтобы народ пошел за ними, несмотря на тяготы революции, суровость «красной» диктатуры, трудности индустриализации и жестокости коллективизации? По всей видимости, несмотря на европейское происхождение марксизма, в «русском коммунизме» был отзвук многовековых надежд и чаяний народа. Так, согласно А.А. Зиновьеву, «советская идеология имела концепцию будущего идеального общественного устройства. ... Страна жила с сознанием великой исторической миссии, что оправдывало все трудности и несчастья, обрушивавшиеся на нее. ... Тесно связанной с идеей будущего земного рая

¹⁶ Цит. по: Деникин А.И. Очерки русской смуты. – М., 1991. – С. 18-19.

была идея внешнего эпохального врага»¹⁷. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, ключевыми идеями, воспринятыми советской идеологией из марксизма, были «справедливость (уничтожение эксплуатации человека человеком), всеединство ("Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"), нестяжательство ("каждому – по труду"), возврат к истокам, к братству в общине (коммунизм), построение светлого Царства счастья и воли...»¹⁸.

Наличие хилиастических и миротворческих идей в большевистской идеологии признают не только отечественные ученые. Немецкий философ В. Шубарт полагал: «...Русская национальная идея в ходе истории принимала разные формы. "Священный Союз" имел династическую трактовку ее, панславизм – народную, мировая революция – революционную. ...Большевизм, рассматриваемый не только в его истоках, но и во всем развитии, это не просто реализованный где-то марксизм, это прежде всего – процесс, который мог развернуться в данной форме только на русской почве»¹⁹. Британский историк Дж. Хоскинг утверждает, что «идея Руси как тысячелетнего народного царства, несущего освобождение всему человечеству, служила основой национальной мифологии еще в XVI в. и с тех пор никогда полностью не исчезала из народного сознания...»²⁰. Конечно, можно оспорить каждый из этих выводов, но не вызывает сомнения, что идеология большевиков, несмотря на ее догматическую форму, несла на себе печать мировоззрения, более традиционного и почвенного для России, чем пришедший с Запада марксизм.

Подводя итоги, следует заметить, что если русская революция 1917 г. в тех условиях, очевидно, была неизбежна, а диктатура большевиков закономерна – как экстремальный максимум ее развития, – то не было необходимости в том, чтобы революция остановилась именно на этом этапе. С исторической точки зрения, большевики – это «российские якобинцы», сумевшие на 72 года задержаться во власти. От радикальных французских

¹⁷ Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. – М., 2001. – С. 47.

¹⁸ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: в 2 кн. – Кн. 1. – М., 2002. – С. 173.

¹⁹ Шубарт В. Европа и душа Востока. – М., 2000. – С. 204, 276.

²⁰ Хоскинг Дж. Россия и русские: в 2 кн. – Кн. 2. – М., 2003. – С. 78.

революционеров, с которых, кстати, Ленин призывал брать пример, как надо осуществлять революционную диктатуру, их отличала только более высокая дисциплина, которая позволила им дольше сохранять единство своих рядов и избегать контрреволюционного «термидора».

После 1921 г. лидерам большевиков стало ясно, что главные цели Октябрьской революции остались недостижимы. Рабочие, которым новые правители обещали власть над заводами и фабриками, претендовали, самое большее, на контроль над производством, что вызывало у них нужду не в партийном руководстве, а в профсоюзной работе. Крестьяне, получив землю, стремились не к коллективным формам труда, а к техническому оснащению своих хозяйств на основе рыночного товарообмена между городом и деревней. Партийные руководители, выдвинувшиеся в годы гражданской войны и привыкшие вести «контрармейскую» атаку на капитал, оказались негодными управленцами в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, что потребовало широкого привлечения к делу «буржуазных» специалистов. Таким образом, рожденное в муках советское общество мало походило на братский союз трудового народа, о необходимости которого говорили большевики. Вожди революции поняли, насколько далеки они от победы социализма в завоеванной ими стране, не говоря уже о построении коммунизма, который из почти осязаемой реальности превратился в неосуществимую мечту.

Многое указывало на то, что идея, рожденная на Западе, не выдержала столкновения с российской действительностью и при воплощении в чуждых ей условиях превратилась в утопию. «По мере увядания утопической мечты, – пишет Дж. Хоскинг, – и усиления того сопротивления, которое оказывал реформаторам реальный мир, партия раскололась на две группы. Представители первой (Троцкий и левые) хотели вернуться в утопию, применяя даже большее насилие, чем раньше. Другие (Бухарин и правые) были готовы осознать реальность и приспособиться к ней. Сталин избрал третий путь. Он состоял в дальнейшем укреплении власти, захват которой

был единственным осязаемым достижением большевиков, и в отказе от утопических мифов в практической деятельности»²¹. В чем же заключался смысл последней?

Эта деятельность была направлена на достижение целей, имевших отношение скорее к преодолению «темного» прошлого, чем к построению «светлого» будущего. Она состояла в укреплении обороноспособности страны, фактически потерпевшей поражение в Первой мировой войне, что было невозможно без создания современной тяжелой промышленности и механизации сельского хозяйства. Для этого требовалось воспитание «нового» человека, способного по указанию властей защитить страну от любого врага и работать ударными темпами, чтобы сократить экономическое отставание от Запада. Хотя сами по себе эти цели не были тождественны задачам социализма, его идеалы не только не отбрасывались, а всячески прославлялись.

Данные идеалы вдохновляли советских людей на подвиги и оправдывали принесенные ими жертвы, оказав мощное воздействие на остальной мир. В этом противоречивом, исторически-дерзновенном и гуманитарно-трагическом наследии Великой русской революции, возможно, и заключен «великий урок» России, о котором провидчески писал П.Я. Чаадаев. И нам всем еще долго предстоит над этим уроком думать.

Список источников:

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. – Харьков; М.: Фолио, АСТ, 1999. – С. 5 – 242.
3. Вернадский Г.В. Русская история. – М.: Аграф, 1997. – 544 с.

²¹ Хоскинг Дж. История Советского Союза: 1917-1991. – М., 1994. – С. 226.

4. Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. – М.: Центрполиграф, 2001. – 431 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: В 2 кн. – Кн. 1. – М.: Алгоритм, 2002. – 528 с.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 5 // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. – Т. 5. – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
7. Ленин В.И. XI съезд РКП(б) 27 марта-2 апреля 1922 г. // В.И. Ленин. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С. 65-138.
8. Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции / В.И. Ленин. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – Т. 44. – М.: Политиздат, 1970. – С.144-152.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. – 2-е изд. – Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 419 – 459.
10. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с.
11. Пайпс Р. Агония старого режима: 1905-1917 // Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. – Кн. 1. – М., Екатеринбург: Захаров, ГИПП Урал. Рабочий, 2005. – 478 с.
12. Плеханов Г.В. Наши разногласия / Г.В. Плеханов. Избр. филос. произв.: в 5 т. – Т.1. – М., 1956. – С. 115-370.
13. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба / Г.В. Плеханов. Избр. филос. произв.: в 5 т. – Т.1. – М., 1956. – С. 51-112.
14. Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914-1918 гг.). – СПб.: Алетейя, 2017. – 180 с.
15. Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917 – 1991. – М.: Вагриус, 1994. – 510 с.

16. Хоскинг Дж. Россия и русские: В 2 кн. Кн. 2. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. – 492 с.

17. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000. – 448 с.

II. ПОДХОДЫ К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революции и перевороты: к методологии исследования

Семенов Евгений Евгеньевич

кандидат политических наук, доцент кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации НГЛУ им. Н.А.Добролюбова

e-mail: k762@mail.ru

В статье предпринимается попытка осмысления политических событий рубежа XX-XXI веков, приведших к смене политических режимов в разных странах мира. Отмечается, что появление новых технологий смены власти привело к избыточной метафоризации научного дискурса, к подведению под формулу «цветных революций» весьма различных по своему содержанию политических событий. Используя методы структурно-функционального анализа, автор предлагает набор критериев для разграничения феноменов «революция» и «переворот», дифференцируя их по правовым, политическим, экономическим и идеологическим признакам.

Ключевые слова: революция, переворот, цветная революция, структурно-функциональный подход.

The article contains an attempt to comprehend the political events of XX-XXI centuries, which have brought to the political regimes changes in different countries. It is significant that the rise of new authority changes technologies led to superfluous scientific discourse metaphorization, to the standardization of fundamentally different political events under the «color revolution» formula. Using structural-functional analysis methods, the author suggests the list of criteria for differentiation «the revolution» and «the coup» phenomena, separating it on the basis of legal, political, economical and ideological features.

Keywords: revolution, coup, color revolution, structural-functional approach.

В публичном дискурсе последних лет, формирующемся на основе политической публицистики как традиционных, так и социальных медиа, тема «Революция» получает повышенный интерес. Отчасти это обусловлено известными политическими событиями в Северной Африке, на Ближнем Востоке, а также событиями в странах бывшего Советского Союза, связанными с различными формами смены или попытками смены политических режимов. Богатая эмпирика этих политических событий, маркированных в общественном дискурсе как «цветные революции», требует тщательного научного анализа, целью которого является оценка вклада новых революционных практик в развитие теорий политической и исторической науки.

С другой стороны, повышенное внимание к теме продиктовано приближением 100-летнего юбилея русской революции 1917 года. Появление новых, ранее не известных, источников и фактов, а также работа исследователей, предлагающих иные взгляды и подходы к пониманию исторических событий (в первую очередь событий революционных), которые возникают в результате анализа пролонгированных во времени социально-политических и социокультурных эффектов, тех или иных революционных событий и преобразований, по-новому проблематизируют историю и теорию революций.

Оба фактора актуализируют научную рефлексию, заставляя исследователей вновь обращаться к корпусу теорий революции с целью ликвидации выявленных противоречий и формирования системы дополнительной аргументации, позволяющей оценивать текущие социально-политические процессы с точки зрения научного подхода.

Целью данной работы является предложение критериального набора, позволяющего системно подходить к вопросам определения таких

феноменов, как «революция» и «переворот». В свою очередь, четкая дифференциация этих понятий, опирающаяся на систему аргументов-признаков, подтверждающих или опровергающих наличие комплекса эффектов и цивилизационно-эволюционного потенциала событий, называемых революциями или переворотами, позволяет избавиться от иллюзорных экспектаций и повлиять на возникновение иммунитета, защищающего формирующееся гражданское общество от агрессивных интервенций недобросовестных или асоциальных политических идей и предложений.

Как уже говорилось выше, в политической риторике конца XX – начала XXI веков отмечается интенсивное использование понятий «революция» и «переворот». Объективно это связано с радикальными переменами мирового социально-политического ландшафта, наблюдаемыми на протяжении последних 30-ти лет. В основе этих перемен лежит исчезновение связной политической, социально-экономической и социокультурной системы, центром которой был СССР. Демонтаж этой системы, а потом и распад Советского Союза сопровождались целой цепью политических трансформаций в государственном и политическом устройстве ряда стран, входивших в эту систему, и стран, аффилированных с ней, а также переделом сфер влияния в геополитическом пространстве.

Оставляя за скобками настоящей статьи описание и анализ этого сложного, во многом противоречивого и длительного процесса, заметим, что именно он породил поток риторики, в которой ключевыми словами, определяющими характер тех или иных событий, стали слова «революция», «переворот», «путч» и т.д. Характерным обстоятельством является то, что участники процессов, базирующие свои взгляды на различных политических и идеологических платформах, оценивают одни и те же события по-разному. Для одних свершившееся событие – это революция, для других – переворот.

Определенную путаницу в классификацию политических событий, ведущих к изменениям в жизни государства, внесло появившееся в

исследовательском инструментарии социальных наук понятие «цветные революции». Во многом это стало возможным благодаря Д. Шарпу¹, давшему обоснование технологиям нового типа революций рубежа XX – XXI веков. Работы Шарпа повлияли на развитие политических событий в целом ряде стран. Предлагаемый им комплекс методов, получивший название «цветной революции», содержит стратегические подходы и практические проекции для ведения ненасильственной борьбы, способы ненасильственного сопротивления, декларирует перспективы создания демократии. Сам Шарп смысл цветных революций истолковывал как «ненасильственное политическое сопротивление», что дало повод отечественным авторам определить его как «благочестивое» ненасилие, которое в политике всегда оборачивается насилием, провоцирует его, являясь зачастую таким же насилием, только с «положительными» коннотациями»². Говорить о развернутой экспликации понятия «цветная революция», думается, пока рано. Ряд авторов опираются на социально-эмпирическую основу, полагая, что это «ставшее традиционным название попыток смены правящих режимов в постсоветских республиках под давлением уличных манифестаций и при поддержке зарубежных неправительственных организаций»³. На определенную метафоричность употребления слова «революция» в составе нового понятия указывают кавычки, встречающиеся во всех научных текстах: с точки зрения классической теории революции «цветная революция» представляет собой нечто иное, а именно внезапное, насильственное изменение существующего общественно-политического строя, что подчеркивает ее радикальный характер. В этом смысле в разрешении ряда остроконфликтных политических ситуаций, как например, на Украине, нет этих коренных изменений, а произошедшая смена элит, является признаком скорее переворота, нежели революции.

¹ Шарп Дж. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения политических и этических конфликтов // Философские науки. 1990. № 11. С. 78-83.

² Борисов С.Н., Римский В.П. Философское понимание насилия: смыслы и коннотации // Дискурсы власти: коллективная монография / Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов (отв. ред.). Орёл, 2015. С. 86.

³ Бочанов М.А. «Цветные революции»: актуальный ракурс // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. С. с. 138.

Анализ исследований, посвященных проблематике «цветных революций», показывает полярность взглядов на суть феномена и толкование его либо в терминах переворота, либо ненасильственного захвата власти, с одной стороны, и существование промежуточного, «среднего» подхода, захватывающего территорию как одного, так и второго, в виде теории «бархатных революций». Вместе с тем дается понимание отличия «бархатной революции» от «цветной революции»: первая подразумевает качественное изменение политической системы, ее перестроение, это революция с неклассическим сценарием ее осуществления, а в результате второй никакой смены политической системы, то есть качественного перехода или трансформации не происходит⁴.

Особенностями технологий «цветных революций» проявляются в том, что они реализуются не в авторитарном, а в полудемократическом государстве, не предусматривающем запрет на деятельность политической оппозиции, которая может использовать поддержку внешних сил; ключевым моментом свержения правящей верхушки являются выборы, а главным методом воздействия на власть является массовый протест против существующей власти, митинги и демонстрации, а также блокирование и захват ключевых административных зданий⁵.

Подходя к определению своеобразия «цветной революции» на основе теорий мир-системного анализа и культурной гегемонии, В.А. Волков и А.А. Борейко предлагают тип «либеральная культурная революция», к которым относят «бархатную революцию» в Чехословакии 1989 г., революции на постсоветском пространстве в 2000-х, и события «Арабской весны», акцентируя как основной признак безальтернативность западного пути развития и победу «западной идеи»⁶. В русле этой логики анализа в «цветных революций» выделяется культурная экспансия, причина которой –

⁴ Вердиханова З.В. «Цветная революция» как политический феномен современности // Вестник Университета 2014. № 5. С. 202.

⁵ Белова Н.Е. Технологии организации «цветных революции» на постсоветском пространстве // Приволжский научный вестник. 2014. № 12-2 (40). С. 100-103.

⁶ Волков В. А., Борейко А. А. К вопросу создания новой типологии революций // Управленческое консультирование. 2016. № 9 с. 138.

необходимость решения собственных витальных задач доминирующей на данный момент Западной мир-системы⁷.

Давая основательный социально-философский обзор проблематики насилия и ненасилия в мировой исследовательской литературе, Р.Г. Аббасов прибегает к совмещению двух понятий в едином – «бархатно-цветные революции» или даже «бархатно-цветные перевороты»⁸ обращаясь к теоретической проработке соответствующих политических технологий, которые первоначально были названы их разработчиком Джином Шарпом «политикой ненасильственных действий» и раскрывая в противовес шарповой «ненасильственности» их силовую природу. Вместе с тем исследователь не проясняет ни сути революционности того и другого феномена, ни обоснованности их объединения в едином понятии.

Накал политических страстей ввел в эту риторику дополнительные характеристики, имеющие скорее иррациональную природу: «бархатная» революция, «оранжевая» революция, «революция роз», «революция тюльпанов» и т. д. Подобное дефинирование, возможно, имеет значение для понимания мотиваций и характера текущих событий с точки зрения бихевиористского или психологического подходов, но не приближает исследователя к пониманию содержания тех или иных событий. Наряду с этим можно отметить и определенное пересечение объемов понятий «революция» и «переворот», которое встречается в научной литературе. Так, в Оксфордском словаре переворот определяется как «внезапное, насильственное и незаконное смещение правительства <...> В большинстве случаев переворот приводит к замене одной правящей группы другой»⁹. В то же время другой источник по сути не различает эти понятия и трактует революцию как «радикальное, коренное изменение любого устоявшегося годами порядка протекания различных процессов», при этом указывается,

⁷ Там же. С. 138.

⁸ Аббасов Р.Г. Джин Шарп: политологический плагиат или «классика цветных революций»? // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). Выпуск 38. С. 136,

⁹ Политика. Оксфордский толковый словарь. [Электронный ресурс]: <http://politike.ru/slovari/politika-oxfordskii-tolkovyi-slovar.html>.

что термин «используется для характеристики политического переворота, в результате которого происходит смена власти и правящих элит»¹⁰. Подобное противоречие настоятельно ставит вопрос о том, в чем состоит различие революции и переворота как политических феноменов.

Предпримем попытку отчасти решить эту задачу с точки зрения структурно-функционального подхода. Будем исходить из предпосылки, что революция – это всегда радикальная смена политической, экономической и духовной парадигм, на которых базируется не только система управления государством, но и система общественных отношений в нем. В результате революционных преобразований коренным образом изменяется структура государственного устройства, появляются новые институты, выполняющие новые функции. Одновременно с этим формируются новые доктринальные принципы общественной этики и морали, служащие социально-философским обоснованием для радикальных политических и управленческих решений. Таким образом революция несет с собой обязательный комплекс последствий. Выделим четыре основных типа структурных последствий, возникающих в результате революции: правовые, политические, экономические, которые определяют в целом новые принципы поведения государственной системы (функции), проявляющиеся во всех сферах ее деятельности.

Правовые последствия определяются тем, что появляется и/или изменяется Конституция, основные нормы и принципы существования государства; возникают новые политические институты, органы власти и управления.

Политические последствия проявляются в видоизменении и/или появлении новой системы политического властвования (способов получения и удержания власти); появлении и/или изменении прав и свобод индивидуума.

Экономические последствия характеризуются видоизменением и появлением новых принципов экономической деятельности, новых

¹⁰ Большая актуальная политическая энциклопедия. [Электронный ресурс]: <http://politike.ru/slovari/bolshaja-aktualnaja-politicheskaja-enciklopedija.html>.

институций и субъектов экономической деятельности; перераспределением собственности и средств производства (национализация и/или приватизация).

Идеологические последствия (духовные, нравственные, социальные) выявляются в манифестации новой системы ценностей, новой общественной этике и морали; в реализации новых принципов культурной и конфессиональной политики, этнополитики.

Если проанализировать последствия, возникшие в общественном и государственном устройстве Франции после Великой французской революции, или в России после Русской революции 1917 года (февральские и октябрьские события), используя предлагаемую методику выделения признаков-последствий, то станет очевидно, что эти события действительно носят революционный характер.

Важным обстоятельством представляется и то, что характер протекания революционных событий, связанный с возникновением политического террора и гражданской войны или отсутствием их, никак не влияет на последствия, которые возникают в государстве. Подтверждающим примером здесь являются события в Чехословакии в 1989 году, получившие название «бархатная революция». Эти события радикальным образом изменили систему государственного, политического и экономического устройства страны, но обошлись без кровопролития.

Вместе с тем события 2014 года в Киеве, приведшие к многочисленным жертвам, не повлекли за собой преобразований в структуре политического и экономического устройства страны и сохранили весь комплекс функций государственного управления практически неизменным. Предпринятая попытка провести реформы в сфере политической этики (националистические тенденции) привели к гражданской войне и распаду государства. В этом смысле киевские события 2014 года не могут быть классифицированы как революция, а их последствия, связанные со сменой персонального представительства в органах власти попадают под определение «переворот».

Таким образом, динамика политических событий в глобализирующемся мире и возникновение новых технологий смены власти, привели в большей степени к метафоризации научного дискурса, нежели к определению содержания этих событий. Признанные научные методы анализа и, в частности, принципы структурно-функционального подхода, позволяют предложить один из возможных подходов к определению таких феноменов, как «революция» и «переворот», что было предложено в данной статье.

Список источников:

1. Аббасов Р.Г. Джин Шарп: политологический плагиат или «классика цветных революций»? // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). Выпуск 38. С. 135-140.

2. Белова Н.Е. Технологии организации «цветных революции» на постсоветском пространстве // Приволжский научный вестник. 2014. № 12-2 (40). С. 100-103.

3. Большая актуальная политическая энциклопедия. [Электронный ресурс]: <http://politike.ru/slovari/bolshaja-aktualnaja-politicheskaja-enciklopedija.html>.

4. Борисов С.Н., Римский В.П. Философское понимание насилия: смыслы и коннотации // Дискурсы власти: коллективная монография /Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов (отв. ред.). Орёл, 2015. С. 72-106.

5. Бочанов М.А. «Цветные революции»: актуальный ракурс // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. С. 138-144.

6. Вердиханова З.В. «Цветная революция» как политический феномен современности // Вестник Университета 2014. № 5. С. 200-204.

7. Волков В. А., Борейко А. А. К вопросу создания новой типологии революций // Управленческое консультирование . 2016. № 9 . С. 135-140.

8. Кандель П. Е. Бывают ли бесцветные «цветные революции»? // Власть. 2016. № 8. С. 185-188.

9. Политика. Оксфордский толковый словарь. [Электронный ресурс]: <http://politike.ru/slovari/politika-oksfordskii-tolkovyi-slovar.html>.

10. Шарп Дж. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения политических и этических конфликтов // Философские науки. 1990. № 11. С. 78-83

Лето 1917 года: путь к диктатуре

Лысов Виктор Иванович

старший преподаватель Нижегородского института управления РАНХиГС

В настоящей работе на примере ряда художественных произведений российских авторов излагаются версии «альтернативной истории», связанной с событиями 1917 года. Версии «альтернативной истории» основаны на ряде допущений, которые, тем не менее, не допускают иного исторического пути России, чем через диктатуру.

Ключевые слова: «альтернативная история», диктатура, события 1917 года, план Босфорской операции адмирала Колчака, выступление генерала Корнилова.

In this article the «Russian alternative history» of the events of year 1917 is described on the example of literary works. These works are based on assumptions, which, however, do not assume another historical path of Russia than through the dictatorship.

Keywords: «alternative history», dictatorship, the events of 1917, the plan for the Bosphorus operation of Admiral Kolchak, the rebellion of General Kornilov.

Председатель Вольного исторического общества Никита Соколов, говоря «о сослагательном наклонении в истории», заметил, что «история не знает никакого другого наклонения, кроме сослагательного в том специальном смысле, что люди, которые живут и совершают действия, они непрерывно выбирают между разными линиями поведения. И в этом смысле могут реализоваться очень разные сценарии. Когда историк пытается рассматривать только совершившееся, игнорировать то, какие другие альтернативы выбора были у людей, мы не полностью понимаем

действительность».^[1]

Я не историк, но это никак не уменьшает моего интереса к событиям 100-летней давности, которые, на мой взгляд, в советской историографии выглядят, вероятно, иначе, чем это происходило на самом деле. Именно такое предположение и заставляет многих и многих мысленно возвращаться к лету 1917 года – совсем небольшому, но чрезвычайно насыщенному событиями периоду истории от февраля к октябрю. Возвращаться и задавать главный вопрос: «а чтобы было, если бы?», т.е. как раз и размышлять об истории в ее «сослагательном наклонении». А такая форма вопроса определенным образом диктует и жанр ответа, обычно называемый «альтернативной историей».

В таком жанре написано множество книг; некоторые из них написаны как раз о воображаемых событиях 1917 года. Краткому обзору нескольких таких «альтернативных историй» и посвящен предлагаемый текст.

Предваряя этот краткий обзор, следует обратить внимание на те исторические обстоятельства 17-го года, которые корректируются в «альтернативных историях». Среди них, в частности, роль вождя большевиков В.И. Ленина в революционных событиях 1917 года, итоги I-й Мировой войны и их значение для России, и как следствие, установление иного политического режима в России, ну и т.п. Разумеется, приведенный ниже перечень «альтернативных историй» совершенно не претендует на полноту, их выбор диктуется лишь тем, что известно автору.

Одна из таких «историй» изложена в повести «Смело мы в бой пойдем» трех авторов А. Авраменко, Б. Орлова и А. Кошелева.^[2] Авторы сразу решают историческую проблему В.И. Ленина. Вождя большевиков убивают прямо в прологе повести в Разливе, где тот скрывается после неудачного июльского выступления. Убивают Ленина простые русские мужики, песни которых во время отдыха после трудового дня, Владимиру

^[1] "Второй фронт открыт 22 июня 1941 года". 22 Июнь 2017. Елена Рыковцева. <https://www.svoboda.org/a/28573575.html>

^[2] Авраменко А.М., Орлов Б.Л., Кошелев А. «Смело мы в бой пойдем». М.: «Быстров». 2006. 75 с.

Ильичу, вероятно, мешали работать над книгой «Государство и революция». Тот факт, что эти мужики были членами «Союза Михаила Архангела», не имеет никакого значения: просто так сложились обстоятельства.

Дальше авторы повести разворачивают перед читателем настоящую фантазмагорию. Ленин убит, Октябрьского переворота не случилось. I-я Мировая война закончилась, но для России ее итоги оказались такими же печальными, как и для Германии, поскольку плодами победы воспользовались Англия и Франция. Россия остается в состоянии разрухи. Временное правительство окончательно дискредитирует себя тем, что передает всю российскую промышленность в руки западного капитала. Русский народ нищает. В 1923 году происходит попытка Красного мятежа в Петрограде. Мятеж подавлен силами бывших офицеров и гимназистов, объединившихся в добровольные дружины. Вооруженными силами России командует генерал Корнилов.

К 1927-му году в России наступает голод. Доведенный до отчаяния народ организует «голодный поход на Москву». Сменивший на посту председателя правительства Керенского А. Гучков, направляет на подавления бунта Корнилова. Корнилов отказывается стрелять в народ и становится во главе «голодного похода». В результате власть переходит в руки генерала Корнилова, который становится Верховным Правителем России. Единственной партией в России становится ЕРП – Единая Русская партия. Создается РКСМ – Российский Корниловский Союз Молодежи. Ну, и прочая экзотика: справедливость и порядок на улицах обеспечивают православные «Архангелы благочестия», Владимир Маяковский и Велимир Хлебников сочиняют гимны для языческих ритуалов членов воинского братства, а Георгий Константинович Жуков – простой городской, крышующий уличных извозчиков в районе трех вокзалов.

Начинается активное сближение России, Германии и Италии, выступающих вместе на стороне генерала Франко в Испании против отрядов Коминтерна, штаб которого располагается в Лондоне. После смерти

Корнилова Верховным Правителем становится генерал Кутепов. На похороны Корнилова в Москву приезжают Гитлер и Муссолини, а Ленни Рифеншталь снимает про это 2,5- часовая документальный фильм. В общем, ужас!

Краткий итог: убийство Ленина устраняет возможность большевистского переворота, но не приводит к формированию демократического политического режима в России, наоборот делает неизбежным приход к власти фашистской военной диктатуры.

Следующая «альтернативная история» изложена в романе «Штурм Дюльбера»^[3] замечательного писателя – фантаста Кира Булычева, больше известного российским читателям по произведениям про девочку Алису. Место действия романа – Крым, время – весна-лето 1917 года. Основные действующие лица – командующий Черноморским флотом адмирал Колчак, вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать отрекшегося от престола Николая II, другие члены семьи Романовых. Колчак продолжает готовить Босфорскую операцию – взятие Константинополя. Советы в Ялте и Севастополе активно противодействуют адмиралу Колчаку и подозревают Романовых в заговоре с целью восстановления монархии. Боевые отряды Советов арестовывают всех Романовых и привозят их в одно место, в замок одного из Романовых – Петра Николаевича – Дюльбер.

Адмирал Колчак принимает участие в заговоре, спасает нескольких членов царской фамилии, на подводной лодке доставляет императрицу Марию Федоровну на флагманский корабль «Императрица Екатерина Великая» и ведет весь флот курсом на Стамбул. Первый же снаряд русского флагмана накрывает дворец султана Абдул-Гамида, султан погибает вместе со всем своим военным советом, немногочисленный русский десант, высаженный на берег быстро нейтрализует береговые батареи. Турция сдается и выходит из войны. Следом за ней выходит из войны Австро-Венгрия, капитулирует и Германия. 8 июня в Брюсселе подписывается мир.

^[3] Кир Булычев. «Штурм Дюльбера». М.: «Эксмо», 2006.

А в Константинополе в соборе Святой Софии, возвращенном Православной Церкви после почти пятисотлетнего исламского владычества, совершается торжественное коронование государыни императрицы Марии по древнему византийскому обряду, а также «in absentia» (заочно) ее внука цесаревича Алексея.

Ну, а что же Ленин? Ленину и в этой «альтернативной истории» не повезло. Так и не дождавшись от немцев разрешения на проезд через Германию, он принимает решение добираться в Россию самостоятельно со шведским паспортом. По-шведски Владимир Ильич не говорит, поэтому он изображает глухонемого (такой вариант переброски Ленина действительно обсуждался с соратниками – авт.). По версии К. Булычева, Ленина через Германию сопровождает брат швейцарского социал-демократа Фрица Платтена – Карл, в задачу которого входит оберегать Владимира Ильича, покупать ему газеты на станциях и объясняться по необходимости с окружающими. Владимир Ильич в дороге, естественно, молчать не может, особенно, читая газеты, чем вызывает серьезные подозрения едущих с ним в одном купе супругов Розенфельдов. В результате на одной из станций Ленина арестовывают как русского шпиона, а Карл Платтен, собирая вещи, вынужден остаться в поезде, т.к. не осмеливается дернуть за стоп-кран. Изрядно пострадав в одиночестве из-за того, что не справился с заданием, Карл Платтен сдается полиции, а затем, впав в глубокую депрессию, кончает жизнь самоубийством, повесившись в камере на собственных подтяжках.

Владимир же Ильич, находясь под подозрением в шпионаже и следствием, то орет на следователя по-немецки, то снова изображает из себя глухонемого шведа. Швейцарские социал-демократы находят его и освобождают только в апреле, когда в России уже многое изменилось.

По случаю заключения мира в России объявляется амнистия. Многожды работавшая в 1917 году на «вход – выход», в очередной раз распахивает свои ворота Петропавловская крепость, выпуская на свободу членов Временного правительства Милюкова, Керенского, Терещенко,

Некрасова, а также вождей Петросовета и его председателя – Чхеидзе. Вскоре многие из них отправляются за границу на пароходе «Серафим Саровский» вместе с царской семьей, но без цесаревича Алексея.

После восстановления монархии адмирал Колчак сначала возглавляет военное и морское министерство, а затем уходит в отставку. Он тоже уезжает за границу, в Филадельфию.

Итак, что же в итоге? Ленину не удалось пробраться в Россию, угроза большевистского переворота не реализовалась. Босфорская операция адмирала Колчака, откровенно похожая на авантюру, привела к яркому успеху и победе в войне, в результате была восстановлена монархия и, в некотором смысле, произошло умиротворение народов России.

Роман К. Булычева как «альтернативная история» основывается на многих фактах, в действительности имевших место. О варианте переброски Ленина через Германию со шведским паспортом, действительно обсуждавшемся в окружении Ленина, уже упоминалось.

Босфорская операция действительно планировалась на сентябрь 1916 года. Предполагалось сочетать действия сухопутных войск на Румынском фронте с действиями флота. При этом на формирование и обучение десантного отряда требовалось три – четыре месяца, в связи с чем операцию отложили до апреля – мая 1917 года. С конца 1916 года началась комплексная практическая подготовка к Босфорской операции: проводили тренировки по высадке десанта, стрельбе с кораблей, разведывательные походы отрядов миноносцев к Босфору, всесторонне изучали побережье, проводили аэрофотосъемку. Формировалась специальная десантная Черноморская дивизия морской пехоты во главе с полковником А.И. Верховским, которую курировал лично Колчак.^[4]

31 декабря 1916 года Колчак отдал приказ о формировании Черноморской воздушной дивизии, отряды которой предполагалось развертывать в соответствии с поступлением морских самолётов.

^[4] Зырянов, П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. (Жизнь замечат. людей: сер. биогр.; В. 1356). 4-е изд. М.: Мол. гвардия, 2012. 637 с.

Весной 1917-года положение на Черноморском флоте разительно отличалось от того, что происходило на Балтийском флоте. Адмирал Колчак пользовался заслуженным уважением среди экипажей большинства кораблей флота. Хотя это не избавило его от откровенного противодействия со стороны матросских судовых комитетов. 12 мая привыкший к безоговорочному исполнению своих приказов адмирал Колчак отправил Временному правительству телеграмму с описанием противостояния и просьбой заменить его другим лицом. Прибывший 17 мая в Севастополь А. Ф. Керенский уладил на некоторое время конфликт между Центральным военно-исполнительным комитетом (ЦВИК) и Колчаком.^[5] Но только на некоторое время. Ситуация продолжала ухудшаться, и вскоре адмирал был вызван в Петроград.

Доклад Колчака Временному правительству о севастопольских событиях был назначен на 13 июня. До этого дня столичные журналисты успели взять у адмирала интервью, в котором адмирал рассказал о причинах, заставивших его покинуть Черноморский флот. 13 июня «Русские ведомости» опубликовали беседу с адмиралом, а в «Маленькой газете» Суворина вышла передовая статья, в которой говорилось: «Пусть кн. Львов уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министерство Победы. Колчак сумеет грозно поднять русское оружие над головой немца, и кончится война! Настанет долгожданный мир!».^[6]

Позднее П. Н. Милюков, уже в эмиграции, писал: «Естественным кандидатом на единоличную власть явился Колчак, когда-то предназначавшийся петербургским офицерством на роль, сыгранную потом Корниловым».^[7]

По-видимому, такая перспектива усиления политической роли Колчака серьезно испугала Керенского, и он отправил адмирала в Соединенные

^[5] Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. — 200 с.

^[6] Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. — 200 с.

^[7] Плотников, И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М.: Центрполиграф, 2002. 702 с.

Штаты с целью координации совместных операций российского и американского флотов. Сам Колчак воспринял эту командировку как ссылку. В письме 12 октября 1917 года Колчак писал: «...моё пребывание в Америке есть форма политической ссылки и вряд ли моё появление в России будет приятно некоторым лицам из состава настоящего правительства».^[8]

Так, что и эта версия об особой роли адмирала Колчака в событиях лета 1917 года, какую бы он смог сыграть при определенных обстоятельствах, не лишена оснований.

Как возможная форма стабилизации политического режима в виде военной диктатуры, альтернативной диктатуре пролетариата, описывается в романе – утопии В. Аксенова «Остров Крым»^[9], где упоминается о том, как после десятилетия военного правления генерала П. Врангеля, отцу героя романа Арсению Лучникову и его товарищам удалось «вырвать у Барона» демократию. Спустя 50 лет (в романе речь идет о конце 70-х годов XX-го века – авт.) на острове Крым или «Базы Временной Эвакуации», как официально именуется осколок Российской империи, которому удалось отбиться от наступающих «красных» в 1920-м году, наступило «экономическое процветание» нисколько не уступающее по уровню современным странам Запада. Впрочем, это не избавило остров Крым, или как его называют в романе в Советском Союзе – «Зону Восточного Средиземноморья» от завоевания Советской Армией под видом проведения военно-спортивного праздника «Весна».

Жанр романа-утопии о желаемом приходе диктатора, как деятельного реформатора, призванного для решения насущных проблем страны был использован и замечательным русским писателем, публицистом, экономистом и общественным деятелем конца XIX – начала XX вв. С.Ф. Шараповым. Опубликованный им в 1908 году роман «Диктатор» с

^[8] Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. — 200 с.

^[9] Аксенов В. «Остров Крым». М.: Изографус, Изд-в Эксмо, 2003, 432 с.

последующими продолжениями ^[10] выводит на сцену никому не известного полковника Иванова 16-го, получившего от императора исключительные полномочия и ставшего полноправным властителем России. При этом тогдашний премьер П.А. Столыпин сохраняет свой пост, а сама власть новоявленного диктатора выстроена не столько «над», сколько помимо существующих институтов. С.Ф. Шарапов с увлечением рисует «прожекты» диктатора: реформа государственного правления в виде отказа от парламентаризма и повсеместного введения земства, ликвидация всяческих профсоюзов и возложение защиты интересов рабочих «на закон и правительство», реформа финансовой системы, а также учреждение концентрационных лагерей для революционеров где-то под Семипалатинском, в которых революционеры имеют все необходимое, но предоставлены сами себе и получают полную свободу слова, но только в дискуссиях друг с другом, ну и т.п.

Совсем недавно вышла книга воспоминаний Иосифа Ильина «Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920» ^[11], где полковник Ильин описывает встречу в 1919 году в Омске со своим старым сослуживцем еще со времен Великой войны А.А. Игнатьевым. На встрече вспоминали службу, старых товарищей и, как водится, заговорили о будущем. Повторюсь, встреча происходила в Омске в 1919 году, где тогда находился штаб армии адмирала Колчака, Верховного правителя России. И. Ильин пишет: «Анемподист Александрович (Игнатьев – авт.) смотрит на положение мрачно и говорит, что из Белого движения ровно ничего не выйдет и выйти не может». «Я народ знаю, – говорит А. Игнатьев. – Я сам из мужиков и вижу, в чем дело. Большевики правы потому, что дали волю – делай, что хочешь – грабь, жги, руби, – и все под предлогом врагов народа. Потом они их зажмут почище еще всякого аракчеевского режима, а пока что

^[10] Шарапов С.Ф. Россия будущего/ сост. предисл., примеч., именной словарь А.Д.Каплина/ отв. ред. О.А.Платонов. - М.: Институт русской цивилизации. 2011 г.

^[11] Ильин И.С. Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М.: Книжница; Русский путь, 2016. 482 с.

жарь всюду. Да вы не думайте: и большевики, то есть Ленин, Троцкий там и пр., не очень-то правят сейчас – большевики только поняли, что настала революция, и стараются всюду сами усидеть. Они только идут с волной, они не препятствуют, они сами угадывают и угождают. Когда революция, то есть разбой, пройдет, тогда другое дело: заберут в железные рукавицы».

Мудрый А.А. Игнатьев знал, что говорил; так и произошло: на место мыслимой диктатуре генералов или восстановленной монархии пришла более жестокая классово-окрашенная диктатура большевиков. Но путь к ней был проложен всем ходом событий февраля – октября 1917 года.

Список источников:

1. Авраменко А.М., Орлов Б.Л., Кошелев А. «Смело мы в бой пойдем». – М.: Быстров. 2006. – 75 с.
2. Аксенов В. «Остров Крым». – М.: Изографус, Эксмо, 2003. – 432 с.
3. Булычев К. Штурм Дюльбера. – М.: Эксмо, 2006. – 224 с.
4. Зырянов, П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. – 4-е изд. – М.: Мол. гвардия, 2012. – 637 с.
5. Ильин И.С. Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. – М.: Книжница; Русский путь, 2016. – 482 с.
6. Плотников, И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. – М.: Центрполиграф, 2002. – 702 с.
7. Рыковцева Е. Второй фронт открыт 22 июня 1941 года. – Радио Свобода от 22.06. 2017. – URL: <https://www.svoboda.org/a/28573575> [Дата обращения – 23.08.2017].
8. Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. – 200 с.
9. Шарапов С.Ф. Россия будущего. – М.: Институт русской цивилизации. 2011 г. – 720 с.

III. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Становление и развитие новых органов власти в Нижнем Новгороде весной – летом 1917 года

Сапон Владимир Петрович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина
e-mail: vladimail2008@mail.ru

Автор анализирует процесс создания и становления органов власти в Нижегородской губернии после свержения самодержавия, отмечая при этом важную роль левых партий. К лету 1917 г. происходит поляризация политических сил в социалистических партиях и в российском обществе в целом. В этих условиях авторитет левых партий определялся уже не теоретической ортодоксальностью, а способностью предложить массам рецепты безотлагательного и эффективного лечения общественных болезней.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, революционные органы власти, левые партии, весна-лето 1917 г.

Author analyzes the process of establishment and development of the authorities in the Nizhny Novgorod region after the overthrow of autocracy, while noting an important role of the left parties. By the summer of 1917 the polarization of political forces in socialist parties as well as in the Russian society as a whole took place. Under such circumstances, the credibility of the left parties was determined not by theoretical orthodoxy but by thier ability to offer the masses recipes for immediate and effective treatment of social diseases.

Key words: Nizhny Novgorod province, the revolutionary authorities, left parties, spring-summer 1917.

Социал-демократ И.С. Забелин отмечал, что в конце февраля 1917 г. интерес нижегородской публики к событиям на фронте и «особенно в столицах» был невероятный, но «организованной подготовки к революции, по крайней мере в городе, не наблюдалось»¹. Тем не менее, подобно тому, как в Петрограде альтернативным центром власти становится Государственная дума, в Нижнем Новгороде одним из центров самоорганизации оказалась Городская дума.

28 февраля 1917 г. стало известно, что вечером в Городской управе намечено совещание «по вопросу о подготовке к разворачивающимся событиям». На этом официальном совещании постановили «терпеливо ожидать событий». Вскоре состоялась неформальная встреча в одной из комнат Городской управы с участием гласных Городской думы, общественных деятелей, сормовских рабочих (среди которых присутствовал и секретарь Сормовского комитета РСДРП М.Н. Малиновский). «Несмотря на довольно поздний час, – вспоминал Забелин, – на собрание прибывали все новые лица и каждый пришедший приносил все новые известия. Часа в два ночи пришел из редакции “Нижегородского листка” Е.М. Ещин с самыми свежими новостями о том, что образовался из членов Государственной Думы “комитет” и т.д. Собрание затянулось на всю ночь, взвешивали и обсуждали ближайшие возможности в жизни России, настроены были бодро...»²

Можно предположить, что городской голова Д.В. Сироткин знал о приближении революции еще раньше – по различным конспиративным каналам: земгоровским, старообрядческим и т.д. Вероятно, он получил информацию о подготовке антиправительственного переворота из первых рук и сумел принять необходимые организационные меры. Иначе трудно понять, почему самоуправление Нижнего Новгорода столь стремительно сориентировалось в сложной политической обстановке и первым в

¹ Материалы по истории революционного движения. Под ред. В.Т. Илларионова. Т. 3. Н. Новгород, 1922. С. 9.

² Там же. С. 9.

провинции примкнуло к[□] Февральской революции! (В этой связи многое говорит следующий эпизод. В первой половине марта 1917 г. полковника Л.С. Федорова командировали в столицу в качестве представителя Нижегородского гарнизона. Он опасался, что не сможет попасть на прием к революционному военному министру А.И. Гучкову в силу крайней занятости последнего, однако адъютант успокоил полковника: «Когда министр узнает, что явился нижегородский делегат, он примет немедленно... Ведь Нижний Новгород первый из провинциальных городов присоединился к революции!» Так и случилось, – и прием состоялся вне всякой очереди... (курсив документа – В.С.)»³.)

1 марта 1917 г. в 9 часов утра активисты социалистических партий начали «снимать» с работ рабочих и служащих Сормовского завода. Вскоре толпа в 5–6 тысяч человек с красными знаменами под музыку двинулась к Нижнему Новгороду, по пути присоединяя все новых и новых сочувствующих. Революционные массы пришли в центр города, став участниками многотысячного митинга на Благовещенской площади. Параллельно, с 14.00 в Городской думе началось частное совещание гласных по поводу организации «обывательского комитета для поддержания в городе порядка и для защиты жизни и имущества граждан». Этот комитет фактически должен был перехватить власть у пока еще существующих органов самодержавного режима.

Таким образом, уже в этот день различные политические силы стремительно активизируются во имя решения ключевого вопроса любой революции – вопроса о власти.

Лозунгом дня для нижегородских либеральных деятелей, заседавших в Городской думе, стали слова Д.В. Сироткина «Государственная дума – это плоть от плоти и кость от кости всего русского народа»; гласные вслед за своим городским головой дружно поддержали новое правительство, точнее

³ См.: Из беседы с полковником Л.С. Федоровым // НЛ. 1917. № 71 (15 марта). С. 2.

«исполнительный орган с Родзянко во главе»⁴.

Однако план либералов и «прогрессистов» по созданию местного «временного правительства» был тут же решительно прекроен митингующим пролетариатом. Когда Сироткин вышел к народу и огласил проект создания «обывательского комитета» с участием в нем «в должном числе» представителей от фабрично-заводских предприятий, то собрание на площади тут же сформулировало встречные предложения:

«...2) настаивать на увеличении числа представителей от рабочих в обывательском комитете и

3) ввести в комитет представителей от войск, находящихся в Н. Новгороде»⁵.

Формирование обывательского комитета или городского комитета общественной безопасности* состоялось на экстренном заседании (уже не частном совещании) гласных Городской думы вечером 1 марта 1917 г.

По замыслу Д.В. Сироткина и его единомышленников, в городском комитете должны были преобладать предпринимательские и земско-интеллигентские силы, умеренно-либеральные и либеральные по своей политической окраске. В частности:

- 12 мест отводилось представителям Городской думы**,
- по 3 места – губернскому и уездному земству,
- по 2 – Нижегородским отделениям Всероссийского союза городов и Всероссийского земского союза,
- по 3 – Биржевому комитету и Биржевому военно-промышленному

4 Совещания в городской думе // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. № 58 (2 марта). С. 1; Из впечатлений дня // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. № 58 (2 марта). С. 2.

5 Совещания в городской думе // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. № 58 (2 марта). С. 1. – Первый пункт касался освобождения из тюрем политзаключенных.

* За новым органом власти закрепилось официальное название – *Городской исполнительный комитет*. 21 марта 1917 г. по предложению кадета Е.М. Ещина он был переименован в *Губернский исполнительный комитет* (далее – ГИК). См.: ЦАНО. Ф. 1887. Оп. 1. Д. 12. Л. 9 об.

** На вечернем заседании Городской думы ее представителями в Городской комитет общественной безопасности были избраны: Л.П. Биbihин, И.В. Богоявленский, М.И. Будилов, А.А. Вяхирев, Е.М. Ещин, К.Г. Иванов, В.М. Матюнин, П.Н. Михалкин, Д.В. Сироткин, З.М. Таланцев, Г.М. Степанов и М.С. Фокеев. См.: Совещания в городской думе. Вечернее заседание // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. № 58 (2 марта). С. 1.

комитету (ВПК),

2 – Нижегородскому уездному ВПК,

4 – союзу кооператоров,

3 – мещанскому обществу,

по 2 – ремесленному обществу и представителям ученых и просветительских обществ. Рабочим предоставлялось 12 мест, то есть меньше четверти состава комитета⁶.

Однако пролетариат не собирался довольствоваться ролью политической массовки и отдавать вопрос конструирования новой власти на откуп имущим социальным слоям. 1 марта 1917 г. рабочие Канавина^{***} постановили создать Совет рабочих депутатов из 48 представителей от Сормова, 20 – от Канавина и 12 – от города⁷.

Вечером на первом же заседании Городского исполнительного комитета представители революционного пролетариата поставили ребром вопрос об увеличении количества («временно – до выборов Совета рабочих депутатов») рабочих депутатов в составе этого органа до 24 человек и о немедленном смещении царской администрации. По рассказу сормовского меньшевика Н.И. Быховского, «отцы города страшно испугались, говоря, что власть старая “с удовольствием станет поддерживать новое правительство”», однако социалисты и стоявшие за ними рабочие продолжали настаивать на аресте «агентов старой власти» и вскоре решительно взяли это дело в свои руки⁸. 2 марта 1917 г. рабочие по собственному почину провели аресты губернатора А.Ф. Гирса, вице-губернатора Н.В. Ненарокова, полицмейстера А.Г. Цицерошина, губернского прокурора Н.П. Чернявского, нижегородского губернского исправника Н.В. Высоковского и ряда других

6 См.: Совещания в городской думе // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. № 58 (2 марта). С. 1.

*** К тому моменту в Канавине располагалось 16 заводов, на которых работало 30 тысяч рабочих. Несколько тысяч рабочих трудились на железной дороге. См.: Победа Октябрьской революции в Нижегородской губернии. С. 90.

7 Местная хроника // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. № 58 (2 марта). С. 2. – Первое собрание самочинного Совета было назначено на 11 часов дня в школе Каменского в Канавине.

8 Драницын Н.И. Летопись революционных событий в Нижегородской губернии в 1917–1921 гг. // Материалы по истории революционного движения. Т. 3. С. 41.

высокопоставленных чиновников. ГИКу пришлось постфактум принять и опубликовать приказы об арестах⁹.

2 марта 1917 г. трудоемкое «конструирование» новой власти было продолжено, при этом лидеры цензовых слоев и кадетской интеллигенции в ГИКе по-прежнему вынуждены были считаться с твердой позицией «социальных низов». В этот день в малом зале Городской думы прошли выборы во временный Совет рабочих депутатов, в которых участвовало около ста человек.

В первом же опубликованном воззвании Совет поставил важную политическую задачу: «закрепить за собою захваченные позиции и завоевать новые». Это значило, что необходимо, с одной стороны, «усилить влияние рабочих представителей в Нижегородском городском исполнительном комитете» и в то же время «создать свой собственный орган “Совет рабочих депутатов” для объединения и направления борьбы рабочего класса до полного торжества интересов демократии»¹⁰. Совет высказался за восстановление «нормального течения жизни» и в связи с этим призвал бастующие массы на следующий день вернуться на рабочие места. Как подметил нижегородский историк Н.И. Драницын, это публичное обращение «поразило всех деловитостью и серьезностью тона и произвело “успокоительное” действие», но в то же время «в городе обратили внимание на то, что в “Воззвании” Совета Рабочих Депутатов, в заключительной его части пропущено “Временное Правительство”»¹¹.

⁹ См.: Распоряжения городского исполнительного комитета 2 марта 1917 г. // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 1. – Показательно, что как только в Нижний Новгород пришло распоряжение министра юстиции о том, чтобы «все судебные учреждения функционировали по-прежнему», ГИК немедленно освободил прокурора Чернявского и вернул его к исполнению прежних обязанностей (см.: Заседание городского исполнительного комитета // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 2).

¹⁰ Ко всем рабочим и служащим заводов и фабрик г. Н.-Новгорода и его окрестностей // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 2.

* Имеется в виду финальный фрагмент воззвания, который гласил: «Да здравствует учредительное собрание [...]!»

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует свободный организованный народ!

Да здравствует революционная армия!

Да здравствует Совет Рабочих Депутатов!

Социалисты и поддержавшие их рабочие поспешили подкрепить свои декларации конкретными политическими мерами. Вечером 2 марта на пленарном заседании ГИКа они заявили, в частности, что направляют в этот орган 35 депутатов только что избранного Совета, на что Д.В. Сироткин уклончиво заметил, что вопрос о представительстве от Городской думы также будет пересмотрен¹².

Далее зашла речь об утверждении председателя губернской земской управы Павла Аркадьевича Демидова в должности управляющего Нижегородской губернией, и представители Совета рабочих депутатов выступили с очередной инициативой: учредить в помощь революционному «губернатору» коллегиальный орган управления в составе 3-х депутатов Совета рабочих депутатов, 3-х представителей ГИКа и 1-го представителя от гарнизона¹³. В Совет семи были избраны: от Совета рабочих депутатов – меньшевики С.М. Штерин и Б.И. Моисеев, эсер И. Сизов; от ГИКа – кадеты Г.Р. Килевейн и М.И. Будилов, эсер Ф.Я. Анисимов; представителя от войск должен был направить Совет солдатских депутатов¹⁴.

Кроме того, решили передать управление гарнизоном не только назначенному ГИКом начальнику гарнизона*, но также «военному совету» из семи человек, избранных Советом рабочих депутатов и Советом солдатских

Да здравствует социализм!» (Ко всем рабочим и служащим заводов и фабрик г. Н.-Новгорода и его окрестностей // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 2).

11 Ко всем рабочим и служащим заводов и фабрик г. Н.-Новгорода и его окрестностей // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 2.

12 ЦАНО. Ф. 1887. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; Заседание городского исполнительного комитета // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 2.

13 Заседание городского исполнительного комитета // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 2.

¹⁴ См.: *Драницын Н.И.* Летопись революционных событий в Нижегородской губернии в 1917–1921 гг. // Материалы по истории революционного движения. Т. 3. С.45.

* Первоначально начальником Нижегородского гарнизона был назначен генерал-лейтенант В.Ф. Плюцинский, однако он «по болезни» отказался от этой должности. 2 марта 1917 г. начальником гарнизона стал полковник А.Л. Заленский, переведенный с должности командира 185-го полка (см.: *Драницын Н.И.* Летопись революционных событий в Нижегородской губернии в 1917–1921 гг. // Материалы по истории революционного движения. Т. 3. С. 42).

По свидетельству Е.А. Дунаева, солдаты не любили Плюцинского и просили его «изъять», однако натолкнулись на сопротивление буржуазных городских властей. Тогда какой-то младший ефрейтор самочинно арестовал генерала и привел его в Гордуму. «Буржуазия закричала, что это преступление против дисциплины, ибо дисциплина не должна подрываться. Но только паче чаяния, нас было большинство, нам удалось отстоять товарища, а главное – арестовать Плюцинского. Более того, мы сместили его и назначили другого начальника (полковника Заленского. – В.С.), на которого нам указали солдаты» (Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 226).

депутатов (который, кстати, еще предстояло сформировать). Таким образом, в Нижегородской губернии довольно быстро сложилась своеобразная система двоевластия, в которой революционные «низы общества» и их вожаки в лице социалистов с самого начала заняли заметные позиции не только в органах самочинной демократии (в первую очередь в Советах), но и в местном «временном правительстве», представленном, с одной стороны ГИКом, с другой – управляющим губернией и Советом семи.

В дальнейшем нижегородское «временное правительство» постоянно пополнялось новыми представителями, при этом усилия бывших «цензовиков» взять под полный контроль этот орган власти вольно или невольно срывались демократическими элементами. Так, 5 марта 1917 г. пленум ГИКа предоставил 10 мест представителям Совета солдатских депутатов (а 9 марта одним из трех товарищей, т.е. заместителей, председателя Городского исполнительного комитета стал меньшевик С.М. Штерин, по совместительству – председатель Совета солдатских депутатов)¹⁵. 21 марта 1917 г. Нижегородский совет крестьянских депутатов обратился в ГИК с просьбой «допустить его (т.е. Совет – В.С.) в числе 55-ти человек, как представителей крестьян Нижегородской губернии к исполнению общегосударственных работ»¹⁶.

Партии в органах революционной власти.

С самого начала революционно-демократических преобразований в распоряжении социалистов оказалось намного больше каналов вертикальной мобильности, чем у представителей буржуазии и либералов. Так, в составе первых 12 представителей от Городской думы в ГИК попали видные нижегородские кадеты Л.П. Бибихин, Е.М. Ещин, И.М. Матюнин, И.В. Богоявленский, К.Г. Иванов, П.Н. Михалкин (первые трое – члены Нижегородского комитета КДП-ПНС). По подсчетам Ф.А. Селезнева, всего в

15 См.: ЦАНО. Ф. 1887. Оп. 1. Д. 12. Л. 2, 4.

16 См.: ЦАНО. Ф. 1887. Оп. 1. Д. 38. Л. 76.

ГИК прошли 23 думца, из них 13 – кадеты.¹⁷

Кадеты и сочувствующие им либералы сформировали в ГИКе одну из крупнейших фракций – городскую группу, которая то сотрудничала, то конкурировала с группой центра (трудовики и народные социалисты) и рабочей группой, организованной социалистами. (Кстати, Д.В. Сироткин, будучи выдвиженцем «городской группы», поначалу возглавил Городской исполнительный комитет¹⁸.) Кадеты заняли ключевые позиции в ряде комиссий ГИКа: следственной, судебной, юридической, финансовой, почтово-телеграфной. Более того, первую из указанных комиссий возглавил кадет Г.М. Степанов, последнюю – его товарищ по партии П.И. Абрамов¹⁹.

Зато Совет рабочих депутатов в разное время направил в ГИК видных социал-демократов меньшевиков Н.И. Быховского, А.Б. Заходера, И.Т. Арсентьева, А.И. Иванова, А.А. Чиненкова, Б.Г. Гофмана, М.Г. Майзеля, И.Е. Уповалова, Г.И. Юрлова, большевиков Е.А. Дунаева, И.Г. Макарова, бундовцев Б.З. Беляева, А.Р. Шимшелевича, А.А. Киссина, эсеров М.М. Благина, Н.Я. Соколова, Ф.Ф. Филиппова, С.В. Валенчевского, Д.А. Зенукова, Д.М. Стрелецкого и др.²⁰

В составе представителей от крестьянского Совета уже в марте 1917 г. членами Губернского исполкома Временного правительства стали крупные фигуры губернской эсеровской организации М.С. Фокеев (первый председатель Совета крестьянских депутатов), М.Н. Кутузов (второй председатель Совета крестьянских депутатов), И.И. Жаворонков, Д.А. Костров, К.И. Цыпленков и др.²¹

Среди депутатов Совета солдатских депутатов, попавших в ГИК, оказались меньшевики Я.Л. Берман, П.Ф. Налетов, И.Ю. Рабинович,

17 Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2001. С. 138.

18 Там же. С. 138–139.

19 Там же. С. 139.

20 См.: ЦАНО. Ф. 1887. Оп. 1. Д. 38. Л. 123; Из общего собрания Совета рабочих Депутатов 6 мая // Известия Нижегородских советов. 1917. № 13 (11 мая). С. 2.

21 См.: ЦАНО. Ф. 1887. Оп. 1. Д. 38. Л. 77–78.

большевик Г.С. Биткер, эсеры В.Г. Ганчель, Е.Ф. Тяпкин и др.²²

Таким образом, уже в первые недели функционирования губернского «временного правительства» в нем стали складываться партийные фракции, хотя Нижегородский комитет РСДРП официально направил своего представителя в ГИК лишь 1 апреля 1917 г.²³, кадеты – 18 мая²⁴, а эсеры – 24 мая²⁵. (Заметим, что еще 2 марта 1917 г. «по вопросу о представительстве в Комитете (ГИКе. – В.С.) политических партий решено: каждой политической партии предоставить по одному месту в Комитете»²⁶.)

На первых порах беспартийные и активисты различных партий представляли собой достаточно однородную «массу», объединенную революционной эйфорией и социальным оптимизмом. Демонстрацией межпартийной и межсословной солидарности стал митинг, который вечером 16 марта 1917 г. устроили офицеры Нижегородского гарнизона в Общественном собрании. Собрание, на которое пригласили губернского комиссара П.А. Демидова, городского голову Д.В. Сироткина, членов ГИКа, гласных Городской думы, руководящий состав Советов, проходило под лозунгом «Вечер великой свободы. 1613–1917 гг. Единение, равенство, братство». Именно эти тезисы стали лейтмотивом практически для всех выступивших офицеров, местных политиков и общественных деятелей²⁷.

В частности, юнкер Налетов (меньшевик, председатель Совета солдатских депутатов) «произнес сильное слово по поводу жестокой борьбы за свободу, борьбы, поглотившей тысячи жертв, проливших море крови. Как и предыдущий оратор (либерал П.А. Демидов. – В.С.), он также призывал всех к созидательной и творческой работе и говорил о необходимости, в целях закрепления* завоеванной такими тяжкими жертвами свободы,

22 Там же. Л. 142.

23 Там же. Л. 105 (им стал А.В. Траубе)

24 Н.А. Аткарского. См.: там же. Л. 122.

25 В.М. Миронова-Козырева. См.: там же. Л. 118.

26 ЦАНО. Ф. 1887. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об.

27 Большой митинг в Общественном собрании // НЛ. 1917. № 72 (17 марта). С. 2–3.

* Вместо ошибочного: *закрепощения*.

просвещать массы»²⁸.

Другой меньшевик, председатель Нижегородского совета рабочих депутатов С.М. Штерин «в своей речи, между прочим, отметил, что рабочая масса не есть жупел, которого раньше боялись». «Рабочие, – по его словам, – сыграли в нынешнем государственном перевороте громадную роль. В заключение он приглашал офицеров и солдат совместно защищать завоеванные права».²⁹

Кадет Е.М. Ещин, в свою очередь, подчеркнул организаторскую роль «старой русской интеллигенции – профессоров и учителей жизни», которые «с полным самоотвержением, не щадя своих сил, ... принялись за работу, ведущую русский народ к свободе». «Оратор закончил тостом за Временное правительство, который с энтузиазмом был подхвачен всеми присутствующими»³⁰.

Наряду с участием в общегубернском органе новой государственной власти, социалисты активно работали в классовых органах трудящихся – Советах³¹. Здесь, в отличие от ГИКа, социал-демократы и эсеры имели явное количественное и качественное преобладание над другими политическими силами.

Выборы в самочинные органы народной демократии состоялись в первых числах марта 1917 года, при этом руководящие должности сразу же оказались в распоряжении социалистов. В частности, 5 марта прошло второе собрание исполкома Нижегородского совета солдатских депутатов, на котором объявили состав его президиума: председатель – П.Ф. Налетов (меньшевик), товарищи председателя – В.Г. Ганчель (эсер) и Г.С. Биткер (большевик); секретари – С.А. Шкрабий и Я.Л. Берман (меньшевики);

28 Большой митинг в Общественном собрании // НЛ. 1917. № 72 (17 марта). С. 3.

29 Там же. С. 3.

30 Там же. С. 3. – Показателен и список адресатов, которым участники многолюдного собрания направили приветственные телеграммы: председатель Временного правительства Г.Е. Львов, председатель Государственной думы М.В. Родзянко, военный министр А.И. Гучков, председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе, «через Керенского – Брешко-Брешковская, В.Г. Короленко», полковник [Александр Евграфович] Грузинов (командующий войсками МВО) и нижегородские полки в Действующей армии (там же).

31 См., напр.: Победа Октябрьской революции в Нижегородской губернии. С. 116.

казначей – Н.И. Андрианов и член для поручений К.И. Цыпленков (эсер)³².

Примерно в это же время был обнародован первый состав президиума Нижегородского совета рабочих депутатов. Здесь на очень короткое время установилась «гегемония» большевиков: председателем избран В.Н. Лосев, его заместителями (товарищами) Е.А. Дунаев и И.Г. Макаров секретарями А.И. Иванов и А.В. Савельева³³.

Вечером 8 марта 1917 г. сложился постоянный состав президиума Совета рабочих депутатов: председатель – С.М. Штерин, товарищи председателя – Е.А. Дунаев и А.Б. Заходер, секретари – А.В. Савельева и А.И. Иванов³⁴. Все руководство Совета осталось по партийному составу социал-демократическим, при этом только А.В. Савельева на тот момент являлась большевичкой.

В Сормовском бюро Нижегородского совета рабочих депутатов весной большевики имели 10 мандатов, меньшевики и эсеры – по 7, либералы 2 и беспартийные – 4³⁵. Председателем Сормовского бюро Нижегородского совета рабочих депутатов избрали меньшевика Д.И. Замараева³⁶.

Если в Советах рабочих депутатов наблюдалось явное преобладание социал-демократов, то крестьянские депутаты оказались под сильным влиянием социалистов-революционеров. 19–20 марта 1917 г. состоялся Первый губернский крестьянский съезд, на котором представители крестьян избрали руководство своего Совета. Первым председателем Нижегородского совета крестьянских депутатов стал член ПСР с дореволюционным стажем, депутат Второй Думы М.С. Фокеев³⁷. Наиболее часто на этом съезде выступали именно эсеровские ораторы (В.Б. Либин, Ю.А. Тархов, М.С. Фокеев и др.); делегатов с мест ознакомили с аграрной программой Партии социалистов-революционеров, тем не менее, в резолюции по общим вопросам слово «социализация» не прозвучало. Первый губернский съезд

32 НЛ. 1917. № 63 (7 марта). С. 2.

33 НЛ. 1917. № 62 (6 марта). С. 2.

34 См.: Из совета рабочих депутатов // НЛ. 1917. № 65 (9 марта). С. 5.

35 Победа Октябрьской революции в Нижегородской губернии. С. 121.

36 См.: там же. С. 109.

37 НЛ. 21 марта 1917. С. 3.

нижегородского крестьянства, выразив единодушную готовность поддерживать Временное правительство в проведении объявленной революционной программы, подчеркнул: «По земельному вопросу съезд единогласно желает признания всех земель принадлежащими государству для последующей передачи их в пользование трудовому населению. Крестьяне готовы терпеливо ждать осуществления всех их чаяний до решения Учредительного собрания»³⁸.

16 мая 1917 г. Второй губернский крестьянский съезд провел перевыборы президиума СКД: председательский пост при почти единогласном голосовании перешел к «мартовскому» эсеру преподавателю ряда нижегородских учебных заведений М.Н. Кутузову, товарищами председателя стали Н.Н. Нардов, Никифоров и Боровков, казначеем – Алимов, секретарями – Михеев, П.А. Львов и Д.А. Костров³⁹.

Впрочем, доминирование социалистов в Советах отнюдь не являлось гарантией согласованной политики левых сил даже в ключевых вопросах общественной жизни. В частности, жесткое противостояние наметилось между социал-демократами и социал-революционерами 4 апреля 1917 г. на совместном заседании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с представителями местных организаций РСДРП и ПСР. (Председательствовал социал-демократ А.С. Розанов, обязанности секретаря выполняли эсер Е.Ф. Тяпкин.) Собрание должно было выработать общую платформу социал-демократов и эсеров в ГИКе при постановке рабочего вопроса, однако на деле около трех десятков участников мероприятия были втянуты в выяснение межпартийных отношений. Депутаты крестьянского Совета и эсеры высказались против явочного введения восьмичасового рабочего дня, так как это могло бы соблазнить крестьян на такое же «явочное» разрешение земельного вопроса, т.е. фактически черный передел. В свою очередь, социал-демократы отметили «несоизмеримость в данном отношении 8-часового рабочего дня, как института, не потрясающего основ

38 Крестьянский съезд // Нижегородская крестьянская газета. 1917. № 13 (24 марта). С. 3.

39 Местная хроника // НЛ. 1917. № 119 (17 мая). С. 2.

современного общества, с посягающим на принцип неприкосновенности частной собственности (!) отчуждением земель»⁴⁰. Заседание затянулось с 11 часов утра до 4 дня: резолюцию так и не приняли, зато постановили «устраивать время от времени подобный обмен мнений, как чрезвычайно плодотворный»⁴¹.

Апрельские думские довыборы в Нижнем Новгороде и Канавине.

В апреле 1917 г. партийные организации и структуры революционно-демократической власти Нижнего Новгорода прошли первое испытание всеобщими, равными выборами при тайном и прямом голосовании. В частности, Городская дума Нижнего Новгорода должна была пополниться несколькими десятками новых членов (в «цензовой» думе, избранной до революции, числилось 80 гласных). Кроме того, 23 апреля 1917 г. в Канавине, наряду с выборами городских думских гласных, состоялись выборы Районной думы в составе 30 человек.

Как и полагается, демократическим выборам сопутствовала политическая конкуренция. Причем, конкуренция воплотилась не только в партийной саморекламе и межпартийных пропагандистских атаках, но даже в механизме голосования. Так, в «Положении о выборах», принятом Гордумой 10 апреля 1917 г., было четко прописано, что голосование осуществляется посредством бюллетеня, в котором выборщик указывает ф.и.о. не более 10 кандидатов⁴². Однако, 12 апреля представители левых партий и профсоюза торговых служащих потребовали от избирательной комиссии провести выборы с помощью общего списка из 30 кандидатов⁴³.

Выборы, состоявшиеся 16 апреля, показали, что нижегородские либералы имели все основания для тревоги за свою политическую судьбу. Во 2-й, 3-й и даже 1-й части Нижнего Новгорода в гласные Городской думы не прошел ни один из предложенных кадетами кандидатов! Более того, за кандидатов от Партии народной свободы избиратели отдали на порядок

40 Около 8-час[ового] рабочего дня // НЛ. 1917. № 86 (6 апреля). С. 2.

41 Там же.

42 См.: там же. С. 3, §§ 7 и 8.

43 Предвыборное собрание по 1-й части // НЛ. 1917. № 93 (14 апреля). С. 3.

меньше голосов, чем за представителей других политических сил. Так, лидер выборов Иван Иванович Сениюткин, один из участников возрождения Нижегородской социал-демократической организации, набрал 2604 голоса, замыкающий список из тридцати избранных гласных бундовец Б.З. Беляев (Биляев) получил 2366 голосов. А прочие кандидаты, в том числе и предложенные местными либералами, завоевали не более 293 голосов. Таким образом, блок социалистических партий и профсоюзов сумел настоять на применении собственных избирательных процедур, вполне эффективно организовать агитационную работу и в ходе выборов провести в Гордуму своих выдвиженцев.

Особенно сокрушительную, хотя и предсказуемую, неудачу кадеты потерпели при формировании группы гласных Городской думы от Нижегородского гарнизона. Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов избрал своих представителей на экстренном собрании 15 апреля⁴⁴. Гласными от солдатских депутатов избрали 11 человек (и 1 кандидата)⁴⁵. Среди избранных оказались: с.-д. П.Ф. Налетов (председатель Совета солдатских депутатов (ССД)), с.-д. Г.С. Биткер (тов. председателя ССД), с.-д. Я.Л. Берман (член президиума ССД), эсер Е.Ф. Тяпкин (член президиума ССД), эсер К.И. Цыпленков (тов. председателя Совета крестьянских депутатов), эсер В.М. Бабаков, народный социалист Зеленов⁴⁶.

Несколько особняком прошли выборы в Канавине. Канавинцам предстояло избрать 40 гласных: 30 чел. – в Канавинскую районную думу и 10 чел. с полномочиями гласных Городской думы Нижнего Новгорода⁴⁷.

Здесь, в отличие от губернского центра, левые силы выдвинули единый список⁴⁸. В избирательный блок левых сил в Канавине, в частности, вошли: Совет рабочих депутатов, Канавинские комитеты ПСР, РСДРП, Бунда, Литовской СДРП, Латышской СДРП, мусульманские социалисты,

44 Из Совета солдатских депутатов // НЛ. 1917. № 94 (15 апреля). С. 2.

45 Собрание Думы // НЛ. 1917. № 106 (30 апреля). С. 4.

46 См.: Местная хроника // НЛ. 1917. № 96 (18 апреля). С. 2.

47 Гражданам Канавина // НЛ. 1917. № 100 (23 апреля). С. 1.

48 Там же.

Канавинский общезаводской комитет, Союз служащих фабрик и заводов, Комитет железнодорожников, профсоюз щетинщиков, кооперативная рабочая столовая, объединение больничных касс и демократические группы избирателей⁴⁹.

Все четыре десятка избранных канавинцами думских депутатов оказались выдвинутыми упомянутого выше списка «социалистического блока и демократической группы». В свою очередь, фаворитами обоих списков оказались выдвинутцы Канавинского комитета РСДРП, в котором ведущую роль играли большевики. Рейтинг новоизбранных гласных Нижегородской городской думы от Канавина выглядел так*:

- 1) **Безпалов Василий Федорович** (с.-д.) – 3933 голосов,
- 2) Михайлов Алексей Матвеевич (с.-д.) – 3853,
- 3) **Рождественский Константин Алексеевич** (с.-д.) – 3847,
- 4) Ильин Иван Яковлевич (с.-р.) – 3831,
- 5) Манасынов Давятша Юсупович (мусульманский комитет) – 3824,
- 6) Карклин Мартын Мартынович (с.-д.) – 3779,
- 7) **Левит Соломон Абрамович** (с.-д.) – 3765,
- 8) Бригман Виктор Осипович (с.-д.) – 3744,
- 9) Магидс Ефим (Хаим) Ильич (бундовец) – 3732,
- 10) **Ветошников Николай Георгиевич** (с.-д.) – 3404^{50**}.

В первой десятке гласных Канавинской районной думы половину мест заняли кандидаты, выдвинутые районным комитетом РСДРП (их имена выделены курсивом):

- 11) Кощеева Софья Федоровна (с.-д.) – 4040,
- 12) Горбачев Алексей Михайлович (с.-д.) – 3890,

⁴⁹ Там же.

* При общем количестве поданных бюллетеней 4367.

⁵⁰ К выборам в Канавинскую думу // НЛ. 1917. № 106 (30 апреля). С. 3.

** Полужирным выделены фамилии членов постоянного Канавинского комитета РСДРП, избранных на общем партийном собрании 16 апреля 1917 г. Кроме указанных лиц, в комитет вошли Е.Н. Козин, А.Д. Костин, Я.З. Воробьев, Роза Гриншпун, Лиза Приворотская, И.В. Петров, И.Г. Королев, И.Г. Макаров, Терентьев, В.Ф. Незнамов, Р.А. Штромберг (ГОПАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 8). Кстати, именно это собрание, после доклада Н.Г. Ветошникова, постановило «организовать районную думу немедленно с представительство 10-ти лиц в городской думе на основе всеобщего и т.д. избирательного права» (там же).

- 13) Патин Николай Григорьевич (с.-д.) – 3861,
- 14) Бибихин Леонид Петрович (кадет) – 3860,
- 15) Гагарин Михаил Матвеевич – 33858,
- 16) Иванов Павел Ефимович (с.-д.) – 3857,
- 17) Бомбин Михаил Иванович – 3852,
- 18) Незнамов Василий Федорович (с.-д.) – 3850,
- 19) Рябов Макар Васильевич – 3845,
- 20) Тимофеев Виктор Федорович – 3841⁵¹.

В числе еще двух десятков избранников канавинского трудового народа также попадались как социал-демократы, чаще всего большевики (например, М.М. Позин, Р.А. Штромберг, А.А. Ансон (Янсон)), так и социалисты-революционеры (А.С. Буталов, Д.А. Зенуков), бундовцы (А.Р. Шимшелевич, И.М. Иткин), кадеты (И.М. Матюнин) и т.д. Все они получили более 3,5 тысяч голосов⁵². Менее удачливые участники электорального соревнования получили в десять-пятнадцать раз меньше голосов⁵³.

Июльские выборы в Городскую думу Нижнего Новгорода.

Еще одним испытанием на политическую зрелость для различных партийных организаций стали выборы в Нижегородскую городскую думу, состоявшиеся в середине июля 1917 года. На этот раз нижегородцам предстояло сформировать новую думу из 102 гласных. Каждая группа избирателей, численностью не менее 50 человек, имела право выдвинуть свой список кандидатов в гласные⁵⁴.

И социалисты, и либералы соглашались, что муниципальные выборы не ограничатся проблемами местного самоуправления – избирательная компания будет проходить «на платформе политической»⁵⁵, тем более что «все идет сейчас под политическим флагом»⁵⁶. При этом, например,

⁵¹ См.: К выборам в Канавинскую думу // НЛ. 1917. № 106 (30 апреля). С. 3; ГОПАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

⁵² К выборам в Канавинскую думу // НЛ. 1917. № 106 (30 апреля). С. 3.

⁵³ См.: там же.

⁵⁴ И.Ю. К предстоящим выборам в городскую думу // Народ. 1917. № 19 (28 мая). С. 2.

⁵⁵ Г. К выборам в Городскую Думу // Жизнь. 1917. № 10 (29 июня). С. 2.

⁵⁶ Чешихин В. Выборы // НЛ. 1917. № 170 (16 июля). С. 2.

меньшевики выделяли три ведущих конкурирующих силы: революционные, ярко-контрреволюционные, мобилизующиеся в виде разного рода союзов домовладельцев, торгово-промышленных партий и т.п.; либерально-буржуазные, которые, прикрываясь красивыми фразами о народной свободе, готовят подкоп под революционную демократию⁵⁷. В то же время в революционном лагере (точнее, в его марксистском сегменте) они «отказывали в доверии» как крайне левым большевикам, якобы призывавшим к гражданской войне, так и плехановцам, намеренным «усыпить рабочее движение призывом к гражданскому перемирию»⁵⁸.

В свою очередь, кадеты ключевое значение придавали коллизии между Партией народной свободы, с одной стороны, и «социалистическими» партиями – с другой⁵⁹. При этом, как они справедливо полагали, столкнулись не столько партии, сколько мировоззрения: «революционное, которое именует себя социалистическим, и эволюционное, которое противники слева называют сейчас буржуазным и контрреволюционным».

Первое настаивает на продолжении революции и радикальных преобразований; второе, более спокойное и объективное, нацелено на кропотливое закрепление завоеванных свобод, поскольку «революция уже давно кончена» (что, помимо прочего, выразилось «расколом между большевиками и остальными радикальными группами, которые теперь от них отрекаться») ⁶⁰. Именно свой «эволюционизм» кадеты считали гарантией успеха Российской революции, ведь «продолжение революционной тактики толкнет явно массы настолько вправо, что налево будет отброшена и демократическая партия народной свободы, и либеральная и прогрессивная буржуазия, и бюрократия. И тогда может начаться борьба уже не за свободу, а за монархический принцип» ⁶¹.

⁵⁷ Г. К. К выборам в Городскую Думу // Жизнь. 1917. № 10 (29 июня). С. 2.

⁵⁸ Там же. С. 2.

⁵⁹ Чешихин В. Выборы // НЛ. 1917. № 170 (16 июля). С. 2.

⁶⁰ Там же. С. 2.

⁶¹ Там же. С. 2. – Кстати, интересное мнение о предвыборной ситуации в городе высказал «Голос Нижегородца». 9 июля 1917 г. на страницах этой газеты некто Беспартийный отметил, что *агитацию ведут социалисты и кадеты, причем те и другие сулят населению молочные реки и кисельные берега.*

На самом деле, при явно наметившемся провале либеральной повестки дня в демократической России, уже летом 1917 года реальная конкуренция разворачивалась между различными вариациями социалистического проекта. В этом смысле подлинными эволюционистами выступали умеренные круги эсеровской и меньшевистской партий, а радикальную революционную альтернативу представлял собой большевизм, воплощенный даже не в идеологии конкретной партии, а, говоря неполиткорректным кадетским языком, в «настроении массы в пользу беззастенчивого максимализма требований и обещаний»⁶². Поэтому, хотя партия большевиков подверглась репрессиям и информационному шельмованию после вооруженных «бунтов» в Петрограде, Нижнем Новгороде и т.д., тем не менее, ленинцы и их социально-революционная программа отнюдь не находились на обочине политического процесса. Более того, кое-где, например, в Костроме, большевики даже получили большинство голосов на выборах в городское самоуправление. (Правда, в Костроме указанного результата удалось добиться опять-таки при помощи радикальных приемов: «в ночь накануне выборов городскому голове под угрозой применения силы пришлось выдать, совершенно незаконно, нескольким тысячам солдат избирательные карточки, “а с утра, – как пишет костромская “Народная Свобода”, – начали уже второй и последний штурм урны...»⁶³.)

Правда, в Нижнем Новгороде сенсации не произошло. Во всех респектабельных частях (избирательных округах) губернского города лидерами со значительным отрывом стали социалисты-революционеры, следующую ступеньку столь же уверенно заняли конституционные демократы. Почетное третье место завоевал блок весьма и весьма умеренных

Консервативный критик выразил полную уверенность, что в самых демократических выборах примет участие незначительное меньшинство населения (см.: *Беспартийный*. Надо говорить правду // Голос Нижегородца. 1917. № 12 (9 июля). С. 3).

Прогноз о невысокой явке избирателей сбылся: из примерно 126 тыс. жителей Нижнего Новгорода в выборах участвовало лишь немногим более 22 тыс. Именно столько было подано бюллетеней (из них признаны действительными менее 21,5 тыс.). См.: *Жизнь*. 1917. № 10 (29 июня). С. 2; *НЛ*. 1917. № 171 (18 июля). С. 2.

⁶² *Чешихин В.* В Москве и Костроме // *НС*. 1917. № 9 (1 июля). С. 1.

⁶³ См.: там же. С. 1.

левых сил – народных социалистов и последователей Г.В. Плеханова из социал-демократической группы «Единство».

**Результаты выборов в Городскую думу Нижнего Новгорода (I–III части)
16 июля 1917 г.⁶⁴**

Избирательные блоки	I часть	II часть	III часть	Всего
№ 1. Сионисты	249	252	118	619 (3,68%)
№ 2. Торгово-биржевая партия	111	95	83	289 (1,72%)
№ 3. ПСР	2684	2218	1475	6377 (37,95%)
№ 4. ТНСП группа «Единство»	1245	1185	361	2791 (16,6%)
№ 5. КДП-ПНС	1839	1953	723	4515 (26,87%)
№ 6. РСДРП(м) и Бунд	818	574	375	1767 (10,51%)
№ 7. РСДРП(б), латышские и литовские социал-демократы	269	116	59	444 (2,64%)
Всего	7215	6393	3194	16802

В рабочем Канавине (IV часть) наблюдалось несколько иное соотношение результатов: более низкий процент голосов получили кадеты (16%), трудовики и плехановцы (6%), «биржевики» (1%), более высокий – эсеры (44%), меньшевики (15%), большевики (11%) и сионисты (6%)⁶⁵. В целом же по итогам муниципальных выборов в четырех частях Нижнего Новгорода признали действительными 21417 бюллетеней, из них 8351 (39%) были поданы за список эсеров, 5234 (24,4%) за кадетов, 2440 (11,4%) за меньшевиков и бундовцев, 939 (4,4%) – за большевиков и их союзников.

Места в Городской думе распределились в соответствии с полученными голосами, при этом далеко не все предполагаемые кандидаты стали гласными. Самое неудачное соотношение между электоральными

⁶⁴ См.: Селезнев Ф.А. История выборов в России с древнейших времен до конца XX в. (на примере Нижегородского края). С. 78; НЛ. 1917. № 171 (18 июля). С. 2.

⁶⁵ См.: Селезнев Ф.А. История выборов в России с древнейших времен до конца XX в. (на примере Нижегородского края). С. 78.

ожиданиями и их воплощением наблюдалось у двух крайних избирательных списков – так называемой «торгово-промышленной партии» и большевиков: первые получили лишь десятую часть ожидаемых мандатов, вторые еще меньше⁶⁶.

Избирательные блоки	Включены в избирательный список	Прошли в гласные
№ 1. Сионисты	8	4
№ 2. Торгово-биржевая партия	20	2
№ 3. ПСР	49	40
№ 4. ТНСП группа «Единство»	75	14
№ 5. КДП-ПНС	93*	26
№ 6. РСДРП(м) и Бунд	48	12
№ 7. РСДРП(б), латышские и литовские социал-демократы	44	4

Поляризация политических сил в социалистических партиях стала объективной проекцией подобных же процессов в российском обществе в целом. К лету 1917 г. максимальной остроты достигли проблемы, которые совсем недавно стали причиной крушения Российской империи: рабочие все более громко выражали недовольство своекорыстной экономической политикой буржуазии, крестьяне жаждали скорейшего проведения «черного передела» земли в интересах тех, кто ее обрабатывает; миллионы мобилизованных на фронте и в тылу все меньше прислушивались к официальным лозунгам продолжения войны во имя революции и демократии, и все слои населения – страдали от усугубляющейся нехватки продовольствия и предметов первой необходимости. В этих условиях авторитет социалистических партий и даже сама перспектива их политического выживания определялись уже не теоретической выверенностью программных положений и упованиями на благоразумное терпение «социальных низов», а способностью предложить массам рецепты

⁶⁶ Источник: НЛ. 1917. № 165 (11 июля). С. 2; 1917. № 171 (18 июля). С. 2.

* В другом варианте списка указано 102 кандидата. См.: Список кандидатов в гласные городской Думы, составленный Партией народной свободы // НС. 1917. № 10 (9 июля). С. 2.

безотлагательного и эффективного лечения общественных болезней, с каждым месяцем приобретающих все более хронический характер. В условиях по-настоящему суверенной и весьма широкой демократии, бурлящей на просторах революционной страны, отказ социалистов от «популизма», нежелание прислушиваться к все более радикализирующимся чаяниям и требованиям «толпы» фактически означал бы потерю собственной партийной идентичности, превращение в подручную силу для других, несоциалистических, псевдореволюционных партий и течений.

Наглядным подтверждением этого правила стали судьбы социалистических организаций в Нижнем Новгороде и его рабочих пригородах: в течение лета и осени 1917 года резко сдают свои позиции меньшевики, решительно и небезуспешно борются за влияние на массы эсеры, усилия которых во многом нейтрализуются как близорукой политикой «верхов» (Временного правительства во главе с эсером А.Ф. Керенским и «соглашательского» ЦК ПСР), так и бурными «низовыми» процессами, увенчавшимися образованием самостоятельной партии левых эсеров; подлинными фаворитами революционного состязания становятся большевики и их леворадикальные союзники (эсеры-максималисты, литовские социал-демократы, «левицовцы» и т.д.).

Список источников:

1. Беспартийный. Надо говорить правду // Голос Нижегородца. 1917. № 12 (9 июля). С. 3).
2. Большой митинг в Общественном собрании // Нижегородский Листок (далее – НЛ). 1917. № 72 (17 марта). С. 2–3.
3. Г. К выборам в Городскую Думу // Жизнь. 1917. № 10 (29 июня). С. 2.
4. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 4.
5. Гражданам Канавина // НЛ. 1917. № 100 (23 апреля). С. 1.

6. Заседание городского исполнительного комитета // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 2.
7. И.Ю. К предстоящим выборам в городскую думу // Народ. 1917. № 19 (28 мая). С. 2.
8. Из беседы с полковником Л.С. Федоровым // НЛ. 1917. № 71 (15 марта). С. 2.
9. Из впечатлений дня // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. № 58 (2 марта). С. 2.
10. Из общего собрания Совета рабочих Депутатов 6 мая // Известия Нижегородских советов. 1917. № 13 (11 мая). С. 2.
11. Из совета рабочих депутатов // НЛ. 1917. № 65 (9 марта). С. 5.
12. Из Совета солдатских депутатов // НЛ. 1917. № 94 (15 апреля). С. 2.
13. К выборам в Канавинскую думу // НЛ. 1917. № 106 (30 апреля). С. 3.
14. Ко всем рабочим и служащим заводов и фабрик г. Н.-Новгорода и его окрестностей // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 2.
15. Крестьянский съезд // Нижегородская крестьянская газета. 1917. № 13 (24 марта). С. 3.
16. Материалы по истории революционного движения. Под ред. В.Т. Илларионова. Т. 3. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского губкома РКП(б), 1922. 265 с.
17. Местная хроника // НЛ. 1917. № 119 (17 мая). С. 2.
18. Местная хроника // НЛ. 1917. № 96 (18 апреля). С. 2.
19. Местная хроника // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. № 58 (2 марта). С. 2.
20. Около 8-час[ового] рабочего дня // НЛ. 1917. № 86 (6 апреля). С. 2.

21. Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов / Под ред. А.И.Великоречина и К.Г. Селезнева. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1957. 601 с.
22. Предвыборное собрание по 1-й части // НЛ. 1917. № 93 (14 апреля). С. 3.
23. Распоряжения городского исполнительного комитета 2 марта 1917 г. // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. С. 1.
24. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 857 с.
25. Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 314 с.
26. Собрание Думы // НЛ. 1917. № 106 (30 апреля). С. 4.
27. Совещания в городской думе // Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. № 58 (2 марта). С. 1.
28. Список кандидатов в гласные городской Думы, составленный Партией народной свободы // НС. 1917. № 10 (9 июля). С. 2.
29. ЦАНО. Ф. 1887. Оп. 1. Д. 38.
30. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1887. Оп. 1. Д. 12.
31. Чешихин В. В Москве и Костроме // НС. 1917. № 9 (1 июля). С. 1.
32. Чешихин В. Выборы // НЛ. 1917. № 170 (16 июля). С. 2.

IV. ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мог ли царь подавить революцию? К вопросу об эффективности политического насилия

Кучеренко Сергей Анатольевич

аспирант Школы философии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

e-mail: oldjeffrey93@gmail.com

В статье рассматривается эффективность политического насилия в условиях революции. Отправной точкой рассуждения является тезис о способности царя подавить Февральскую революцию с помощью армии. Данный тезис является частным случаем тезиса о том, что сила является достаточным источником власти и права. С опорой на концепцию суверенитета Т. Гоббса и концепцию легитимности Б. Уильямса демонстрируется вторичный по отношению к власти характер политического насилия. Политическое насилие должно опираться на легитимность и не может быть достаточным и эффективным инструментом захвата и удержания власти.

Ключевые слова: революция, насилие, власть, легитимность

The article analyses the effectiveness of political violence in revolution. The assumption of Tsar's capability to suppress the February Revolution with military force is placed under scrutiny. This assumption is an implementation of "might makes right" principle. Drawing upon the T. Hobbes' concept of sovereignty and B. Williams' concept of legitimacy the dependent character of political violence is demonstrated. Political violence should be legitimate prior to its usage and cannot be a reliable mean to achieve and hold power.

Keywords: revolution, violence, power, legitimacy

Русская революция 1917 года, — знаковое событие, как для российской, так и для всемирной истории. Победа ВКП(б) привела не только к радикальным изменениям внутри страны, но и способствовала развитию революционного движения в других странах. В контексте данной статьи нас интересует отношение насилия и власти в условиях революции. Кроме прогрессивных преобразований революция принесла с собой потрясения и террор в таком объеме, что может не без оснований рассматриваться как национальная трагедия. Это заставляет вновь и вновь ставить вопрос о том, возможно ли было остановить революционное движение в 1917, а также о том, как избежать подобного в будущем. Нередко в публицистике и общественных дискуссиях указывается на то, что если бы не «мягкость» царя, то революцию можно было бы попросту подавить, проводя больше репрессий в отношении противников самодержавия. Высказывается мнение о том, что и в феврале 1917 г. революцию все еще можно было предотвратить, если бы только удалось подавить мятеж в Петрограде. Вопрос о возможности подавить революцию, направив карательный корпус на Петроград накануне учреждения Петросовета, является частью более широкой проблемы соотношения власти и силы: способна ли сила быть источником власти и права? Проблема остается актуальной и сегодня, сто лет спустя. Новейшая история знает примеры как успешного подавления протестов силой в Иране (2009) и Турции (2013), так и последовавшей за попытками силового решения проблемы эскалации насилия, приведшей к гражданским войнам в Ливии (2011), Сирии (2011) и на Украине (2014), не угасающим по сей день. В момент написания настоящей статьи Венесуэла находится на грани гражданской войны и именно в опоре на армию и полицию президент Венесуэлы видит свою надежду на удержание власти и сохранение стабильности.

Статья состоит из двух частей. В первой дается краткий обзор

предпосылок и причин революции и предпринимается попытка ответить на вопрос о возможности подавить зарождающуюся революцию силой. Во второй части рассматривается эффективность политического, прежде всего государственного, насилия в целом.

Мог ли царь подавить Революцию?

Чтобы ответить на вопрос о способности подавить мятеж силой, необходимо оценить объективность и масштаб причин, побудивших горожан к хлебным бунтам, а солдат к измене присяге. Оценивая ситуацию накануне мятежа в Петрограде в феврале 1917, следует отметить, что предпосылки революции складывались на протяжении как минимум нескольких лет. Различные историки ведут отсчет с разных дат, называя началом формирования революции как начало Первой мировой войны, так и весьма отдаленные даты: так, Петр Струве полагал, что основные пороки самодержавия были заложены отказом Анны Иоанновны от конституционных ограничений¹. Более реалистичным представляется отсчет с 1905 года, ознаменовавшегося военными неудачами и студенческими волнениями, а также жестоким подавлением шествия рабочих, вошедшим в историографию как «Кровавое воскресенье». Власть попыталась снизить напряженность, провозглашением Октябрьского манифеста, в котором даровались гражданские свободы, а также ограничивалась законодательная власть императора. Вплоть до издания Манифеста Российская империя являлась самодержавной. Номинально власть принадлежала только императору, владевшему страной, как своей собственностью — вотчиной. Все органы власти представляли собой либо консультативные органы, либо бюрократию, чьей единственной задачей было исполнение решений императора. Эффективность бюрократии по оценкам историков была невелика, что было связано как с ее непродуманной структурой, так и с низкими требованиями к чиновникам низших и средних

¹ Pipes, R. The Russian Revolution. New York: Vintage Books, 1991. P. 3

рангов². Также вплоть до 1905 г. отсутствовал кабинет министров. Проведение реформ этой системы казалось невыносимым, так как оно нанесло бы удар по самодержавию — главной ценности императорской семьи и высшей аристократии. Уступки, на которые пошел император, издав в 1905 году «Октябрьский манифест», были декоративными, и при всякой возможности власть стремилась их отменить или приостановить их действие³.

Экономика Российской империи была менее отсталой, чем политическая система и с начала царствования Николая 2 вплоть до войны демонстрировала рост как в области сельского хозяйства, так и в сфере промышленности⁴. Тем не менее, этот подъем был серьезно затруднен слабостью инфраструктуры и архаичностью способов ведения сельского хозяйства — основы российской экономики того времени. Инерция крестьянской общины препятствовала развитию института частной собственности, также крестьянская община страдала от малоземелья и чересполосицы, что сильно затрудняло возможности интенсивного земледелия⁵. Серьезным ударом по экономике стала Первая мировая война, указавшая на недостаточность инфраструктуры и слабость оборонной промышленности. Попытки стимулировать экономику Империи обернулись сильной инфляцией и отказом от золотого стандарта⁶. Накануне Февральской революции в крупных городах, прежде всего в Петрограде, возник риск голода, связанный с инфляцией: производители хлеба, надеясь на еще большее повышение цен, стали удерживать продукцию⁷.

Как было отмечено выше, ради сохранения принципов самодержавия власть воздерживалась от политических реформ. Временный и декоративный характер носил Манифест 1905 года, снявший на время напряжение в обществе и давший время для экономических реформ, но не разрешивший

² Ibid. P. 80-86

³ Ibid. P. 43-46

⁴ Ibid. P. 79

⁵ Ibid. P. 175-176

⁶ Ibid. P. 235

⁷ Ibid. P. 245

политических проблем. Учрежденная в 1905 году Дума имела поначалу законосовещательный, а не законодательный характер и все равно была распущена в 1907 году решением Императора. Так же неэффективен был и совет министров, в первую очередь из-за частой смены министров по решениям Императора, названной историографами «министерской чехардой». Неспособность власти идти на уступки и проводить реальные реформы, вызвала в 1917 г. не просто недовольство жителей страны, но кризис легитимности. Дума не подчинилась императорскому указу о прекращении заседаний в феврале 1917 г., а среди генералов возник заговор, и перед императором был поставлен вопрос об отречении. Очевидно, политический кризис был настолько глубоким, что даже высшие чины сомневались в возможности сохранения старого порядка. И все же, физическая возможность подавления Петроградского мятежа оставалась вплоть до самого отречения, для этого даже были предприняты меры по переброске с фронта боеспособных бригад, которые бы возглавил генерал Н.И. Иванов.

Петроградский мятеж стал результатом совпадения трех обстоятельств. Во-первых, это упомянутая выше нехватка хлеба в городе. Во-вторых, это обширное антивоенное движение рабочих, еще в январе 1917 г. начавших масштабные стачки. Наконец, серьезным фактором стало присутствие непосредственно в городе войск, предназначенных к отправке на фронт. Набранные преимущественно из резервистов, они быстро прониклись революционными настроениями и поддерживали уличные выступления. Во время выступлений Император находился в Ставке и не получал достоверную информацию о происходящем в столице. 27 февраля войска, расквартированные в Петрограде, открыто выступили в поддержку бастующих рабочих. Николай II воздержался от силового решения и 2 марта 1917 года, отрекся от престола, а также подписал отречение за своего сына.

Все предпосылки мятежа — угроза голода, протесты рабочих и измена петроградского гарнизона — были не случайными обстоятельствами, но

закономерным результатом неэффективности экономики в условиях военного времени и политического кризиса, связанного с обереганием самодержавных принципов правления. Нельзя исключать возможности того, что несколько надежных фронтовых бригад могли подавить мятеж в пределах города, но весьма вероятно и то, что карательная операция спровоцировала бы восстания в других городах и гарнизонах, приблизив начало гражданской войны.

Эффективность политического насилия.

Идея о том, что любое недовольство властью, какие бы причины оно не имело, можно пресечь, применив достаточное количество насилия и угроз, происходит из тезиса о том, что источником власти и права являются страх и сила. Этот тезис встречается уже у греческих софистов. Так, Фрасимах в диалоге «Государство» определяет справедливость как то, что «пригодно сильнейшему»⁸. Несмотря на привлекательную простоту и кажущееся соответствие действительности, этот тезис содержит в себе ряд противоречий и не может адекватно объяснить властные отношения, существующие в отсутствие насилия. Кроме того, этот тезис опасен на практике, так как позволяет подменить сохранение авторитета репрессиями и запугиванием граждан, что в долгосрочной перспективе приведет к еще большему кризису легитимности и гражданской войне. Нижеследующий анализ эффективности насилия призван продемонстрировать низкую пригодность насилия для достижения политических целей.

Анализ эффективности политического насилия затрудняется отсутствием консенсуса в отношении того, что этим термином обозначают. Причина тому — отсутствие общепринятого определения как собственно насилия, так и центрального политического понятия — власти. В самом общем смысле под насилием понимается применение силы для подчинения чужой воли своим интересам, тогда как под властью понимают вообще подчинение чужой воли своим интересам. В такой форме оба понятия

⁸ Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 // Философское наследие Т. 117. М: Мысль, 1994. С 93

оказываются крайне размыты, так что подчас нельзя отличить насилие от не-насилия или же найти не-политический аспект жизни. Также из-за почти полного совпадения данных определений возникает соблазн редуцировать политические отношения к силовым, или же объявить силу источником и основанием власти. Подобная редукция на практике должна приводить к непрекращающейся войне, так как нет ни одной веской причины воздерживаться от борьбы за власть, пока сохраняются шансы на победу.

Согласно определению Всемирной Организации Здравоохранения, насилие — «это преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб»⁹. Это определение указывает на преднамеренность насилия, но совершенно не касается его целей. Насилие может применяться для достижения различных целей, в т.ч. и как простое выражение гнева. В рамках данной статьи нас интересует политическое насилие, т.е. насилие связанное с получением власти над человеком. Действительно ли с помощью угроз можно заставить человека подчиняться? Подчинение чужой воли представляет собой концептуальное затруднение. Как отмечает Г. Гегель, «свободная воля в себе и для себя принуждена быть не может»¹⁰. Что это значит? Как остроумно замечает Т. Гоббс, человек, который подчиняется законам из страха смерти, поступает добровольно, т.е. до последнего он обладает фактической возможностью совершить выбор¹¹. Только в случае смерти, которую он выбрал сам, он утрачивает свободу воли. Таким образом, даже подчиняясь приказам под угрозой смерти, человек выбирает добровольно. Подобный генезис власти описывается Г. Гегелем в знаменитом параграфе о Господине и Рабе. Властные отношения

⁹ Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Этьенна Г. Круга и др. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. С 5.

¹⁰ Гегель, Г. Философия права // Философское наследие Т. 113 — М.: Мысль, 1990 — С. 141

¹¹ Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 2 // Философское наследие, т. 115. М.: Мысль, 1991. С. 164

зарождаются из страха смерти. Раб выбирает подчинение, чтобы сохранить себе жизнь. Власть складывается из двух компонент: прекращение действительного насилия в отношении раба и сохранение угрозы жизни. Гегель указывает, насколько зыбки подобные отношения — как только раб находит в себе достаточно смелости, чтобы рисковать жизнью или же как только способность господина угрожать уходит, он может восстать.

Акцент на добровольности подчинения делают А. Кожев и Х. Арндт в своих определениях власти. Так, А. Кожев определяет власть как добровольное подчинение в условиях, когда возможно неподчинение, подчеркивая тот факт, что непосредственное физическое управление — это не власть¹². Как и Гегель. Кожев отмечает, что одной из причин (но не единственной) возникновения властных отношений может быть именно угроза смерти, а точнее отказ от риска своей жизнью в борьбе. Сходно и определение Х. Арндт, указывающей на добровольный и даже ненасильственный характер власти. Арндт разделяет власть и авторитет. Власть по Арндт представляет собой способ слаженного действия группы людей, где лица, отдающие приказы наделены этой властью. Авторитет по Арндт представляет собой способность людей и институтов внушать повиновение, так же не прибегая ни к аргументам, ни к насилию¹³. Насилие оказывается теснейшим образом связано с властью. Оно не просто не участвует в определениях Х. Арндт и А. Кожева, но исключается ими. Насилие и властные отношения — это взаимоисключающие явления. Насилие не просто отсутствует во властных отношениях, но и не может порождать власть. Арндт допускает существования насилия как реакции на утрату авторитета, но в любом случае насилие оказывается вторичным. С его помощью нельзя ни организовать политическое сообщество, ни создать авторитет¹⁴.

Почему вообще проводится настолько сильное различие между

¹² Кожев, А. Понятие власти. М.: Праксис, 2006. С 17

¹³ Арндт, Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. С 53

¹⁴ Там же, С 55.

добровольным подчинением, обусловленным угрозой смерти и добровольным подчинением, обусловленным чем-то другим? На этот вопрос пытается ответить Б. Уильямс, берущий за основу политический реализм Т. Гоббса. Гоббс, описывая политическую власть указывает на то, что политическое состояние отличается от естественного тем, что граждане отказываются от присущего им «права на все» и уступают это право некоему единому для всех арбитру. Теперь каждый, кто отваживается на применение насилия для достижения своих целей без санкции этого арбитра, является преступником и должен быть незамедлительно наказан. Все споры решает единый для всех арбитр, который устанавливает законы, определяет наказания и т.п. Таким образом, первоначальной причиной подчинения множества людей единой политической власти является не страх наказания, правом назначать которое обладает эта власть, но стремление создать безопасную и удобную для жизни среду. Гоббс отмечает, что у граждан нет никаких законных способов требовать что-либо от суверена, т.к. он является источником всех законов. По сути, он не несет перед гражданами никаких обязанностей, которые не взял бы на себя сам и не мог бы снять в любой момент. Это связано с тем, что сфера позитивного права является целиком внутренней для суверена¹⁵. Выйти из договора граждане тоже не могут, т.к. договор заключается между людьми в сообществе, но обязанность подчиняться относится к суверену. Вместе с тем, хотя суверен и не обязан ничего, он все же имеет предназначение — поддержание гражданского мира.

Гоббс указывает, что как только суверен фактически применяет насилие кому-либо из граждан, отношение между этим гражданином и сувереном становится естественным. В силу вступают естественные законы (laws of nature). Будучи проponentом абсолютной власти суверена, в 21 главе «Левиафана», он отмечает, что подданные вправе оказывать сопротивление законной власти, если она непосредственно угрожает им смертью, или вынуждает свидетельствовать против себя или приказывает им причинить

¹⁵ Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 2 // Философское наследие, т. 115. М.: Мысль, 1991. С. 206

себе вред¹⁶. Поскольку человек отказывался от права на все ради безопасности, он частично возвращает себе это право, когда источником опасности является само государство. Хотя Гоббс и отмечает, что нет такого естественного, а тем более позитивного закона, который позволял бы защищать от государственного насилия других людей, ситуация гражданской войны может возникнуть все же по вине суверена. Для этого суверен должен либо стать слишком опасным для своих граждан, что возможно либо при непредсказуемой репрессивной политике, либо при неспособности усмирить преступников или же защитить граждан от внешней угрозы. Во всех этих случаях речь о правовой обязанности подчиняться суверену теряет смысл, как только положение дел перестает отличаться от естественного состояния. Б. Уильямс более отчетливо, чем Гоббс указывает на вторичный по отношению к власти характер насилия, и вводит понятие базового требования легитимности (*basic legitimation demand*). Согласно Уильямсу, всякая власть должна быть способна дать всякому своему подданному основание для подчинения, притом такое, чтобы наказание в случае неповиновения было справедливым. Уильямс подчеркивает, что насилие и угроза насилием в случае неповиновения сами по себе не являются таким легитимирующим основанием, так как возникающее в результате отношение является не гражданским миром, а все той же войной всех против всех, в которой наступило временное перемирие. Насилие, таким образом, применяется либо к тем, кто нарушил закон, либо к тем, кто вообще не участвует в сложившихся властных отношениях¹⁷.

Таким образом, насилие не является ни источником, ни условием власти. Пока власть существует, насилие не требуется. Когда насилие требуется, власть уже не существует. Только благодаря легитимности и уже сложившимся политическим отношениям власть обретает «монополию на насилие», которая сохраняется при сохранении легитимности. Такое насилие

¹⁶ Там же. С. 168

¹⁷ Williams, B. *In the Beginning was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 4

применимо для решения двух задач — сохранение мира и безопасности законопослушных граждан от преступников и от внешних врагов. В обоих случаях насилие применяется против тех, для кого авторитет существующей власти ничтожен, а если преступника и удастся вернуть, то не благодаря самому акту насилия. Право на насилие в отношении всех своих подданных всегда сохраняется за государством, но нужно отметить, что это право существует ввиду легитимности, а необходимым условием легитимности является ощущение безопасности. Таким образом, для того, чтобы властные отношения, могли сохраняться, власть должна применять насилие сообразно установленным ею законам, не злоупотреблять правом на применение насилия в чрезвычайных ситуациях и не злоупотреблять возможностью изменять законы. В таком случае законопослушные граждане имеют основания рассчитывать, что государство не станет угрозой.

Возможно ли достигнуть политических целей с помощью насилия, если насилие является полной противоположностью власти? Все зависит от целей. Как было продемонстрировано выше, насилие — это не источник власти. Более того, присутствие насилия исключает саму возможность властных отношений. Государственное насилие не может быть использовано для достижения политических целей, в особенности для восстановления легитимности. Применение насилия либо должно быть обоснованно так, чтобы мятежники подчинились, либо насилие должно уничтожить и запугать людей до такой степени, что они потеряют всякую мотивацию к сопротивлению. Этот вариант не является приемлемым, так как власть, основанная только на страхе не легитимна, и вынуждена тратить все больше и больше ресурсов на поддержание страха в обществе. Ответ на вопрос о способности царя подавить мятеж в этом свете оказывается отрицательным. Действительно, возможно было подавить восставших, рассеять войска в Петрограде и расстрелять мятежную Думу. Однако, начало аналогичных восстаний в Москве указывает на то, что потребовалось бы все больше принуждения и насилия. Политический кризис Российской империи был

настолько глубок, что сохранение самодержавия без реформ потребовало бы постоянного и всеохватывающего насилия. Этот сценарий нереалистичен как ввиду крайней дороговизны этого сценария, так и ввиду того, что даже высшие офицерские чины уже утратили лояльность к императору и уговорили его отречься от престола — сам репрессивный аппарат перестал подчиняться царю. Их способность удерживать власть с помощью одной лишь военной силы была продемонстрирована в последовавшей вскоре гражданской войне, в которой победу одержали большевики, опиравшиеся не только на силу оружия, но и на популистские прогрессистские лозунги.

Несколько большие возможности для применения насилия сохраняются у тех, кто не обладает властью. Хотя они не могут захватить власть с помощью только лишь силы, они могут подрывать авторитет существующей власти. В данном случае существует две принципиально разные стратегии. Во-первых, это терроризм, в котором отдельные люди и группы людей причиняют ущерб как мирным гражданам, так и представителям истеблишмента. Во-вторых это гражданское неповиновение, которое провоцирует власть на насилие, хотя само по себе не является насильственным или несоизмеримо по масштабам ущерба с реакцией государства. Эффективность терроризма в истории оказалась крайне низкой. Чаще всего террор не достигает достаточных масштабов, чтобы стать большей угрозой для граждан, чем ДТП или бытовые преступления. В этом случае остается сделать ставку на пропаганду, где государство почти всегда имеет больше ресурсов. Теракты чаще всего оказываются возможностью для государства укрепить и расширить свой репрессивный аппарат, а также призвать народ к объединению против врага.

Гражданский протест оказывается более эффективным способом давления на власть, если ему удастся принять достаточный масштаб. Всеобщая забастовка не имеет четких целей и скорее призвана спровоцировать насилие со сторон органов правопорядка и указать на несправедливость и даже абсурдность сложившихся способов легитимации

власти. История знает примеры, когда широкомасштабные гражданские протесты, проходившие более или менее мирно, убеждали власть отказаться от силового подавления и пойти на уступки. Это борьба за отмену законов о расовой сегрегации в США, это протесты против продолжения войны во Вьетнаме, наконец, это протесты мая 1968 года во Франции. Необходимо отметить, что во всех случаях власть имела возможность применить силу, но воздержалась. В ряде случаев вопрос о том, увенчалось ли бы подавление протеста силой успехом остается открытым.

Заключение.

Подводя итог, следует отметить, что насилие не является ни необходимым, ни достаточным условием захвата и удержания власти. Насилие, которое осуществляется вопреки действующему закону, подрывает авторитет власти, если применено властью, либо может укрепить авторитет власти, если применяется террористами. Наибольшим потенциалом обладает гражданский протест, который при достаточной массовости способен заставить пойти власть на уступки, но он возможен только в тех условиях, когда власть уже начала утрачивать легитимность. Законная власть всегда имеет право на применение насилия к мятежникам, но ей необходимо быть готовой к тому, что насилие будет иметь обратный эффект и приведет к гражданской войне.

Новейшая история знает примеры успешного подавления гражданских протестов и попыток переворотов. Такими можно считать подавление протестов в Иране (2009) и Турции (2013), а также попытку военного переворота в Турции (2016). Установление того, почему в данном случае силовые меры оказались успешными в отличие от попыток подавить протесты Арабской весны, требует отдельного эмпирического исследования и выходит за рамки настоящей статьи. Возможно лишь предположить, что шансом для властей является либо действительная широкая поддержка народа и признание законности государственного насилия, либо создание видимости такой поддержки и законности.

Список источников:

1. Pipes, R. The Russian Revolution. New York: Vintage Books, 1991. 976 p.
2. Williams, B. In the Beginning was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument. Princeton: Princeton University Press, 2005. 174 p
3. Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
4. Гегель, В.Ф.Г. Философия права // Философское наследие, т. 113. М.: МЫСЛЬ, 1990. 527 с.
5. Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 2 // Философское наследие, т. 115. М.: МЫСЛЬ, 1991. 731 с.
6. Кожев, А. Понятие власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
7. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире /Под ред. Этьенна Г. Круга и др. М: Издательство «Весь Мир», 2003. 376 с.
8. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 // Философское наследие Т. 117. М: МЫСЛЬ, 1994. 654 с.

«Батальоны смерти»: к истории создания русских штурмовых подразделений и участия их во внутривойсковых событиях 1917 года

Малышев-Санкин Алексей Викторович

студент 2 курса магистратуры (философия) Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

e-mail: meschyaningorodaN@yandex.ru

Автор анализирует предпосылки и условия создания в европейских армиях времён Первой Мировой войны штурмовых подразделений, а также даёт характеристику последних и их участия в политической истории Европы, в особенности – русских ударных частей в революционных событиях 1917 года.

Ключевые слова: Первая Мировая война, штурмовые подразделения, Русская армия, военная история, Февральская революция, Октябрьская революция, Гражданская война в России.

The author analyzes the preconditions and conditions for the creation of the shock troops during the First World War, characterizes their participation in the political history of Europe, especially russian shock troops in the revolutionary events of 1917.

Keywords: First World War, shock troops, Russian army, military history, February Revolution, October Revolution, Russian Civil War.

Начавшийся в 1914 году мировой конфликт современники справедливо окрестили «Великой войной»: последующие поколения не устанут сравнивать его со «вторым актом» трагического XX столетия, но едва ли кто станет отрицать, что именно Первая Мировая, как широкое поле для применения большинства технических разработок последней четверти XIX века, стала началом новой эры в мировой истории и, в частности, в истории

военного дела.

К концу Наполеоновских войн в армиях европейских стран завершилось становление специальных частей. Первыми такими частями были гренадеры – тяжёлая пехота, специальным свойством которых до середины XVIII века было бомбометание, затем, на основании опыта Семилетней и революционных войн, началось создание лёгких подразделений, солдаты которых, во-первых, отличались повышенной меткостью, во-вторых, были вооружены нарезными ружьями. Специальные части, ввиду своего преимущества как в выучке, так и в оснащении, обладали элитарным статусом в сравнении с линейными войсками.

Со второй половины XIX века эти специальные части, ввиду массового распространения нарезного, казнозарядного и, наконец, магазинного оружия, куда более удобного в использовании и, не в пример старым штуцерам, более скорострельного и дальнобойного, потеряли смысл своего существования, и если сохранялись, то лишь в силу традиции (той самой традиции, по которой, например, прусские солдаты, вооружённые винтовками Дрейзе, продолжали называться «мушкетёрами»). К 1890 году принципиальной разницы между рядовыми, скажем, германских линейных пехотных и егерских полков, не считая униформы и названий, не было: их вооружение было одинаково. Начало Первой Мировой войны, казалось, подтвердило совершившийся факт размытия границ между «массами» и «элитой». Однако, с заходом в позиционный тупик, когда стихийные атаки с целью прорыва оборонительного фронта противника не давали ожидаемых результатов, ценность «элитной пехоты» резко возросла, вернее, появилась потребность в создании принципиально новых специальных частей. И в этот раз отборные подразделения должны были обладать не конкретной, но широчайшей специализацией, возможностями использовать любые доступные средства для выхода из позиционного тупика. Так в германской армии появляются «Sturmtruppen» (штурмовики), в итальянской – «arditi» («бесстрашные»). Во Франции и России штурмовым подразделениям дают овеянное славой имя:

«гренадеры», тем более актуальное, что новая война вернула в практику использование ручных гранат.

Во всех воюющих армиях штурмовые отряды выполняли самые опасные задания, а от их служащих требовались впечатляющие для своего времени познания и навыки в пользовании целого ряда средств вооружения, от бомбомётов и ручных пулемётов вплоть до кинжалов, самодельных шестопёров и сапёрных лопат (о «неожиданных» боевых свойствах которых вспоминал ещё прадед автора), а также в области тактики, совмещавшей решительные, самоубийственные атаки со сложными, точными операциями. Отдельно следует сказать и о «психологии» штурмовиков. С одной стороны, массовость армий постепенно истребила тот «кастовый дух», что спланивал солдат прошедших веков, и новые «специалисты», хотя и выходили из той же массы призванных и оторванных от привычной мирной жизни людей, привыкали идентифицировать себя именно с вооружёнными силами и боевым братством своих сослуживцев. С другой стороны, Первая Мировая вообще наложила уродливые отпечатки на души своих участников, для которых иступлённое ожесточение в бою, подогреваемое невыносимыми условиями окопной бойни и громадными жертвами на небольших участках боевых действий в краткие временные промежутки, превращалось в обыденность.¹ Не будем забывать и о том, что, в отличие от бойцов последующих войн, эти мужчины были первопроходцами в новой эре технологизированного военного дела, и им выпадала наиболее «творческая», как бы страшно это не звучало, задача. Все, но в особенности штурмовики, должны были постигать новое «искусство убивать».

В России к 1917 году существовали уже гренадерские батальоны, специализировавшиеся на окопных боях и штурмовых операциях. Гренадеры или «ударники», как их ещё называли, в русской армии были действительно элитной пехотой: на фоне топорных атак основной массы, в руках командования они оставались точным хирургическим инструментом. Их

¹ Функен Ф. и Л. «Энциклопедия вооружения и военного костюма: Первая Мировая война 1914 – 1918. Пехота, бронетехника, авиация».

уникальный опыт, полученный на практике в боях и вылазках, их навыки и личные качества делали ударников узнаваемым лицом армии (что имело место быть и во враждебной Германии, стоит лишь взглянуть на пропагандистские плакаты военного периода, где с каждым годом на первый план выходил образ сурового штурмовика).

После Февральской революции концепция штурмовых частей меняется на фоне общего разложения армии. В тылу начинается формирование добровольческих ударных батальонов. Отношение к войне в обществе контрастно: с одной стороны, коллективные выражения готовности «сражаться до победного конца за свободную Россию», с другой – усталость, безразличие к таявшим, как туман, победным благам, желание воюющих, преимущественно крестьянских масс, вступить в свои новоприобретённые права, и особенно – приступить к давно желанному переделу земли. А.Ф. Керенский, разъезжая по армии лично, использовал всё своё красноречие, чтобы убедить и вдохновить солдат продолжать войну. Однако всякие попытки остановить разложение были тщетны, и уже сам единоличный военный и морской министр санкционировал добровольчество.² Первые добровольческие ударные батальоны отличались прямо идеалистическим рвением к победе, наполняясь добровольцами из городских жителей, более отзывчивых к прокламациям правительства. Бесстрашие и презрение к опасности дало им новое прозвание – «батальоны смерти», символом их стала Адамова голова. Ударничество было, пожалуй, самым здоровым движением в гибнущей армии: популярность его привела к появлению женских «батальонов смерти», и даже «корабля смерти», каковое название себе присвоила команда крейсера «Адмирал Макаров». В «революционной мифе» эти первые добровольцы-ударники занимают место аналогичное французской Национальной гвардии 1789 года, защитников и «любимых детей» революции. Но боями с противником их не долго ограничивают: в качестве наиболее лояльных и дисциплинированных частей,

² Зайончковский А. В. «Первая Мировая война».

ударников начинают использовать в карательных операциях против мятежных солдат, формируют т.н. «заградительные отряды».

В своих мемуарах генерал-лейтенант Н. Н. Головин, в 1917 году начальник Штаба армий на Румынском фронте, вспоминает о подавлении мятежа в 163 пехотной дивизии (организованного и руководимого большевиками) силами, в том числе, ударных батальонов³, и о подобном же применении этих частей против мятежников на Юго-Западном фронте. Очевидно, в ударниках командование, стремившееся к поддержанию дисциплины и сохранению боеспособности, видело те надёжные, нетронутые ещё тлением силы, преемственные по своим качествам лучшим подразделениям старой армии.

Уже упомянутый генерал Головин писал: «Эти отборные части (ударные батальоны) должны были послужить той силой, на которую можно было опереться для того, чтобы остановить революцию и привести армию и страну в порядок».⁴ Впрочем, оценка таких формирований не была сплошь одобрительной: по свидетельству всё того же Головина, генерал М.В. Алексеев предупреждал об опасности полагаться на энтузиазм добровольцев, прибывающих из тыла на фронт, и был, как оказалось, прав: вместе с ними в действующую армию проникали большевистские агитаторы. Но добровольцами в батальоны ударников поступали не только гражданские – туда переводились офицеры и унтер-офицеры из других частей, в том числе, спасавшихся от царившей там анархии и угроз расправы со стороны рядового состава. При формировании батальонов внимание начинает уделяться отсеиванию потенциально опасных элементов, исключению судимых; предпочтение разумно отдаётся опытным и лояльным служащим, особенно при наборе офицеров. Таким образом, батальоны, в которых концентрация этих профессиональных элементов была наибольшей,

³ Головин Н. Н. «Россия в Первой Мировой войне».

⁴ Там же, стр. 478.

становились образцовыми по показателям дисциплины и боеспособности.⁵

Здесь я хотел бы ненадолго отступить и обратиться вновь к иностранным «коллегам», забежав немного вперёд. Послевоенная эра принесла Европе новые политические режимы и возвысила маргинальные прежде идеи. Многие выжившие и вернувшиеся фронтовики стали играть в политической жизни заметные роли. Во-первых, закалённые в боях и лишениях братства фронтовиков, превратившиеся в организации со своими структурами, символикой, уставами и целями, на поле политической борьбы были незаменимы для относительно скорого (и насильственного) подъёма к вершинам власти. Во-вторых, фронтовики-специалисты, те же штурмовики, для которых война стала образом жизни и, в известной степени, мысли, отличались идейной восприимчивостью вкупе с решительностью, «штатским» значительно менее свойственной. В среде этих профессиональных военных усталость от войны, в отличие от масс других, искалеченных физически и ментально, притуплялась именно профессиональной привычкой, если в русле нашей темы можно так выразиться. В-третьих, война милитаризировала общественное сознание: в признании правомерности силовых методов достижения целей, классовых или расовых, политических или религиозных, мирные свидетели и участники войны, с нетерпением ждавшие освобождения от «солдатской лямки», и «профессионалы», мастера окопной бойни, были практически равны, различаясь лишь готовностью принять в этой борьбе активное участие. Ведь в самых кровавых событиях XX столетия были не только палачи, мучители, насильники и, напротив, жертвы и сопротивленцы; была обширная аудитория зрителей, которая охотно аплодировала арестам и казням «врагов народа» и геноциду «низших рас», а впоследствии сама же поражавшаяся собственной слепой, иступлённой жестокости. Ожесточение нравов постигло всех, но только «профессионалы», продолжавшие идентифицировать себя с армией как братством, бывшими товарищами по оружию и с военным

⁵ Абинякин Р. М. «Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917 – 1920 гг.»

ремеслом, сохраняли тот боевой дух и чувство субординации, на которых выросли военизированные политические группировки. В Италии бывшие «arditi» составили костяк «чернорубашечников», в Германии многие ветераны штурмовых подразделений, придерживавшиеся правых и реваншистских взглядов, поддержали национал-социалистов. И тех, и других не нужно было убеждать в том, что великие цели могут и должны быть достигнуты силой оружия, «железом и кровью».

Участие русских штурмовиков в политической жизни страны ограничилось 1917 годом. Как уже было сказано, на фоне разложения армии подразделения штурмовиков-ударников становились прибежищами профессиональных офицеров, унтер-офицеров и рядовых, сохранявших верность уставу и согласных сражаться до победного конца. Одним из таких подразделений был ударный полк генерала Корнилова, созданный на добровольной основе. Вообще, к осени, когда добровольное ударничество приобрело уже узнаваемые черты, среди его представителей было немало «ненадёжных» и потенциально «контрреволюционных» элементов. Ударников отличала «идейность» вооружённой борьбы: в 1917 году в центре идеологии была борьба с немцами за завоевания русской революции, «Война до победного конца» и неприятие сепаратного мира, как позорного для русского оружия, затем, в годы Гражданской войны – борьба за «Единую, неделимую Россию» и против большевиков (в том числе, как «немецких наймитов», «укравших победу», «вонзивших нож в спину»). Ударники, как никакие другие части, были восприимчивы к «вождизму» и идее мощного государства с сильной властью, к которой причастна и армия. В перспективе установления, посредством переворота, военной диктатуры, ударники могли стать надёжной опорой нового режима. Ударники-корниловцы при одиозной фигуре своего генерала стали настоящей личной гвардией, признав в Корнилове своего вождя. И хотя корниловский отряд не принимал участия в августовском выступлении (чему причиной было только личное распоряжение Верховного главнокомандующего, искренне желавшего

сохранить ценнейшее подразделение, уберечь его от чисток или расформирования), закончившемся арестом Корнилова и ряда других генералов, очевидно, что потенциальный военный диктатор и режим, который, в случае успешного переворота, мог быть установлен в России, могли бы полагаться на его штыки в полной мере. Пожалуй, никто в России не был так готов к принятию этой несостоявшейся диктатуры, и кто, как не они, мог стать её опорой и защитой? О подобных настроениях среди корниловцев свидетельствует в своих «Очерках русской смуты» А. И. Деникин.⁶

После Октябрьского переворота многие ударники, в том числе корниловцы, вливаются в Добровольческую армию и прочие войсковые объединения Белого движения, в составе которого на протяжении нескольких лет ведут борьбу с большевиками под лозунгом «Единой и неделимой России». Это и описанное выше позволяет, с известным допущением, поставить поздних русских ударников-белогвардейцев в один ряд с частями фрайкора, созданного в Германии для предотвращения захвата власти сторонниками советов. Если в России, «дистанции огромного размера» (с) которой определяли самый характер развития событий, военно-контрреволюционное движение возымело бы большой успех, ударники могли бы стать костяком действующих сил, а затем – и основой для формирования новой армии. В возможной перспективе же (раз под конец мы шагнули-таки в область альтернативной истории) служащие русских штурмовых подразделений могли стать проводниками реваншистских и крайне-правых идей, подобно своим германским «коллегам» или итальянским «чернорубашечникам», тем более что в эмиграции уже в 20-е годы возникают объединения русских фашистов, среди которых, как и в рядах коллаборационистов 40-х (в свою очередь, движимых идеей реванша при содействии германской армии), были участники войны, революционных событий и представители офицерства. Но история русской армии, армии

⁶ Деникин А. И. «Очерки русской смуты».

Петра Великого, Румянцева, Суворова, Кутузова и Скобелева подошла к концу. В подлинный, не календарный XX век последние рыцари «Старого Мира» вступали, через горнило Мировой войны, призраками самих себя.

Список источников:

1. Абинякин Р. М. «Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917 – 1920 гг.», Орёл.: издатель А. В. Воробьёв, 2005, 204 с.
2. Головин Н. Н. «Россия в Первой Мировой войне», М.: Вече, 2014, 544 с.
3. Деникин А. И. «Очерки русской смуты», кн. 2, М.: Айрис-Пресс, 2015, 752 с.
4. Зайончковский А. В. «Первая Мировая война», М.: Эксмо, 2014, 544 с.
5. Функен Ф. и Л. «Энциклопедия вооружения и военного костюма: Первая Мировая война 1914 – 1918. Пехота, бронетехника, авиация», М.: АСТ, 2002, 152 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кочеров Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: kocherov@yandex.ru

Кучеренко Сергей Анатольевич – аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: oldjeffrey93@gmail.com

Лысов Виктор Иванович – старший преподаватель Нижегородского института управления РАНХ и ГС

Малышев-Санкин Алексей Викторович – студент 2 курса магистратуры (философия) Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; e-mail: meschyaningorodaN@yandex.ru

Сапон Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; e-mail: vladimail2008@mail.ru

Семенов Евгений Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова; e-mail: k762@mail.ru

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; e-mail: kfa@fsn.unn.ru

Электронное научное издание

100 лет спустя: анализ событий революции 1917 года в России

Сборник статей

Под общей редакцией *Н.Э. Гронской*
Компьютерная верстка *Н.С. Выговская*
Дизайн обложки *В.В. Гребенева*

Уч.-изд. л. 5,2. 630 Кб.

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
603095, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12
Тел.: 8 (831) 416-96-44